

"Таинственный незнакомец"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

ГЛАВА I

Шла зима 1590 года. Австрия была оторвана от всего мира и погружена в сон. В Австрии царило средневековье, — казалось, ему не будет конца. Иные даже считали, пренебрегая счетом текущего времени, что, если судить по состоянию умственной и религиозной жизни в нашей стране, она еще не вышла из Века Веры. Это говорилось в похвалу, не в укор, так всеми и принималось и даже служило предметом тщеславия. Я отлично помню эти слова, хоть и был маленьким, и помню, что они доставляли мне удовольствие.

Да, Австрия была оторвана от всего мира и погружена в сон, а наша деревня спала крепче всех, потому что была в самом центре Австрии. Она мирно почивала в глубоком одиночестве, среди холмов и лесов. Вести из окружающего мира не достигали ее, не смущали ее грез, и она была счастлива. Прямо перед деревней протекала река, медлительные воды которой были украшены отраженными в ней облаками и тенями барж, груженных камнем. За деревней лесистые кручи вели к подножью высокого утеса. С утеса, хмурясь, глядел огромный замок, стены и башня которого были увиты диким виноградом. За рекой, милях в пяти левее деревни, тянулись густо поросшие лесом холмы, рассеченные извилистыми лощинами, куда не заглядывал луч солнца. Справа, где утес поднимался высоко над рекой, между ним и холмами, о которых я веду речь, лежала обширная равнина, усеянная крестьянскими домиками, прячущимися в тени раскидистых деревьев и фруктовых садов.

Весь этот край на многие мили кругом искони принадлежал владетельному князю. Княжеская челядь поддерживала в замке образцовый порядок, однако ни князь, ни его семейство не приезжали к нам чаще, чем раз в пять лет. Когда они приезжали, казалось, что прибыл сам господь бог в блеске своей славы. Когда же они покидали нас, воцарялась тишина, подобная глубокому сну после разгульного празднества.

Для нас, мальчишек, наш Эзельдорф был раем. Ученьем нас не обременяли. Нас учили прежде всего быть добрыми христианами, почитать деву Марию, церковь и святых мучеников. Это — главное. Знать остальное считалось необязательным и даже не очень желательным. Наука совсем ни к чему простым людям: она порождает в них недовольство своей судьбой; судьба же их уготована господом богом, а бог не любит того, кто ропщет.

У нас в деревне было два священника. Первый, отец Адольф, был ревностным и усердным священнослужителем, и все уважали его.

Возможно, встречаются священники и получше, чем наш отец Адольф, но в общине не помнили ни одного, кто внушал бы своим прихожанам такое почтение и страх. Дело было в том, что он не боялся дьявола. Я не знаю другого христианина, о котором я мог бы это сказать с такой твердой уверенностью. По этой причине все боялись отца Адольфа. Каждый из нас понимал, что простой смертный не решится себя вести так отважно и самоуверенно. Никто не похвалит дьявола, все осуждают его, но делают это без дерзости, с долей почтения. Что ж до отца Адольфа, то он честил дьявола всеми словами, какие попадались ему на язык, так что невольного слушателя охватывал трепет. Бывало, он отзывался о дьяволе насмешливо и с презрением, и тогда люди крестились и поспешали прочь, боясь, как бы с ними не приключилось чего худого.

Если уж все говорить, отец Адольф не раз встречался с дьяволом лично и вступал с ним в

поединок. Отец Адольф сам об этом рассказывал, не делал из этого тайны. И он говорил правду: по крайней мере, одно из его столкновений с дьяволом подтверждалось вещественным доказательством. В пылу разгоревшейся ссоры он бесстрашно швырнул однажды в противника бутылкой, и в том самом месте, где она разбилась, на стене его кабинета осталось багряное пятно.

Другой наш священник был отец Питер, и мы все очень любили и жалели его. Про отца Питера шел слух, будто он кому-то сказал, что бог добр и милостив и когда-нибудь сжалится над своими детьми. Подобные речи, конечно, ужасны, но ведь не было твердого доказательства, что он такое сказал. Да и непохоже это было на отца Питера, такого доброго, кроткого и нелживого человека. Правда, никто и не утверждал, что он сказал это с кафедры прихожанам; тогда каждый из них слышал бы эти слова и мог бы их засвидетельствовать. Говорили, будто преступная мысль была высказана им в частной беседе, но подобное обвинение легко возвести ведь на каждого.

У отца Питера был враг, сильный враг. Это был астролог, который жил в старой, полуразрушенной башне, стоявшей на самом краю нашей равнины, и по ночам наблюдал звезды. Все знали, что он умел предрекать войну и голод, хоть это и было нетрудное дело, потому что война где-нибудь шла всегда, а голод был тоже нередким гостем. Но он умел, кроме того, сверяясь со своей толстой книгой, прочитать судьбу человека по звездам и разыскать покражу, — и все в деревне, кроме отца Питера, боялись его. Даже отец Адольф, не боявшийся дьявола, с приличным случаю уважением приветствовал астролога, когда тот проходил через деревню в длинной мантии, расшитой звездами, в высоком остроконечном колпаке, с толстой книгой под мышкой и с посохом, в котором, как всем нам было известно, таилась волшебная сила. Говорили, что сам епископ прислушивается к словам астролога. Хотя астролог изучал звезды и занимался по ним предсказаниями, он также любил показать свою приверженность к церкви, и это, конечно, льстило епископу.

Что до отца Питера, то он не искал расположения астролога. Отец Питер заявлял во всеуслышание, что астролог — шарлатан и обманщик, что астролог не только не владеет чудодейственными познаниями, но, напротив, невежественнее многих других; и он нажил себе врага, который стал искать его гибели. Мы все были уверены, что слух об ужасных словах отца Питера шел, конечно, от астролога и что он же донес епископу. Отец Питер будто бы это сказал своей племяннице Маргет. Тщетно Маргет отрицала обвинение и умоляла епископа верить ей и не навлекать на ее старого дядю нужду и бесчестие. Епископ не пожелал ее слушать. Поскольку же против отца Питера было только одно показание, епископ не стал отлучать его вовсе от церкви, но лишил на неопределенный срок сана. Вот уже два года отец Питер не выполняет церковных обязанностей, и его прихожане все перешли к отцу Адольфу.

Нелегко дались эти годы старику священнику и Маргет. Раньше все их любили и искали их общества, но с немилостью епископа все тотчас же переменялось. Иные из прежних друзей совсем перестали видаться с ними, другие были холодны и неразговорчивы. Когда случилось несчастье, Маргет как раз исполнилось восемнадцать лет. Это была прелестная девушка и умница, какой не отыщешь во всей деревне. Она обучала игре на арфе, и заработанных денег хватало ей на платья и личные расходы. Но теперь ученицы одна за другой ушли от нее; когда в деревне устраивались вечеринки и танцы, ей забывали передать приглашение; молодые люди перестали ходить в их дом — все, кроме Вильгельма Мейдлинга, а его визиты не имели большого значения. Опозоренные и всеми покинутые, священник и его племянница загрустили, упали духом — солнце больше не светило к ним в окна. А жить становилось труднее. Одежда поизносилась, каждое утро надо было думать, на что купить хлеб. И вот наступил решительный день: Соломон Айзекс, который ссужал им деньги под залог их дома, известил отца Питера, что завтра утром тот должен либо вернуть ему долг, либо уходить прочь

из дому.

вернуться

1

Повесть Твена «Таинственный незнакомец» была посмертно опубликована в 1916 году секретарем и первым хранителем литературного наследия Твена — Альбертом Бигло Пейном. Творческая история этой повести довольно сложна.

Первые записи Твена, связанные с «Таинственным незнакомцем», относятся к осени 1898 года. Далее, продумывая и расширяя план повести, Твен стал придавать своему замыслу чрезвычайный, совершенно особый характер; он считал, что именно в этой книге сумеет до конца высказаться по ряду волновавших его социальных и морально-философских вопросов. В мае 1899 года Твен писал своему другу, американскому писателю У. Д. Гоуэллсу, что, разделавшись с материальными трудностями, намерен прекратить литературную работу для заработка и будет писать книгу, о которой давно мечтает, «книгу, в которой я ничем не буду себя ограничивать, но буду бояться, что задену чувства других, или считаться с их предрассудками... книгу, в которой выскажу все, что думаю, все, что на сердце, начистоту, без оглядки...». В том же письме Твен рассказывает, что уже дважды начинал работу над повестью — и оба раза оказывался на неверном пути, но теперь, как он полагает, нашел, что искал, и надеется, что успешно закончит книгу. Через восемь лет, в автобиографической записи от 30 августа 1906 года, Твен отмечает, что повесть написана только «более чем наполовину». Твен добавляет: «Я много бы отдал, чтобы довести ее до конца. Сознание, что это невыполнимо, причиняет мне сильную боль».

Пейн не комментировал публикуемый текст повести, и он был принят как канонический.

Однако, Бернард Де Вотто, сменивший Пейна в 30-х годах в качестве хранителя твеновского рукописного фонда, обнаружил в бумагах писателя три варианта «Таинственного незнакомца» — в разных стадиях незавершенности.

В одном из них Сатана появляется в США, в Ганнибале, родном городе Твена, и рядом с ним выведены Том Сойер и Гек Финн.

В двух других, значительно более продвинутых, Твен переносит действие в Эзельдорф, в средневековую Австрию. Автобиографические мотивы, связанные с Ганнибалом и детством Твена, а равно и характерные черты социального быта США присутствуют здесь в подразумеваемом, как бы замаскированном виде.

Из двух «эзельдорфских» рукописей Пейн выбрал для публикации более раннюю. Чтобы ее завершить, он добавил фрагмент из второй, более поздней (ныне одиннадцатую, последнюю, главу повести). Он также произвел ряд купюр и других изменений, не оговорив их и не приложив вариантов.

В своей оценке публикации Пейна американские текстологи-твеноведы расходятся. Де Вотто безоговорочно принимает редакцию Пейна, в частности, полагает, что Пейну удалось отыскать истинную, отвечающую замыслу Твена развязку повести. Другие это мнение оспаривают и критикуют Пейна за редакционные вольности.

При всем том несомненно, что публикация Пейна вобрала в себя почти все наиболее ценное из рукописного материала и сыграла крупную роль в изучении мировоззрения и творчества

позднего Твена.

Место действия повести — глухая средневековая австрийская деревушка. Таинственный герой повести, который называет себя Сатаной и обладает чудесной сверхъестественной силой, вмешивается в жизнь обитателей Эзельдорфа (Ослиной деревни), погрязших в корыстных интересах, убогих верованиях, нелепых, унижающих их предрассудках, с тремя мальчиками-подростками, с которыми он подружился. Сатана ведет беседы о несправедливом социальном устройстве общества, о религии, о природе и характере человека и критикует людей за жестокость друг к другу и за трусливое пресмыкательство перед богатством и деспотизмом. В «Таинственном незнакомце» наиболее полно выражены горькие настроения Твена в последний период его жизни и творчества. Однако было бы неправильно видеть в повести лишь «пессимистический манифест», как это делают некоторые буржуазные литературоведы. Живая, ищущая мысль Твена далеко не всегда совпадает с безрадостными и фаталистическими выводами таинственного героя повести, а порою вступает с ними в явный конфликт. В частности, надо отметить в этой связи то, что Твен пишет в десятой главе о грозной и очищающей силе смеха в борьбе с предрассудками, затуманивающими сознание людей.

Важно отметить и то, что, невзирая на аллегоричность повести, отдаляющую писателя от конкретного изображения действительности, и на то, что действие повести отнесено в далекое прошлое, к XVI столетию, в «Таинственном незнакомце» в той или другой форме затронуты все основные социально-политические проблемы, волновавшие Твена в последние годы жизни. В шестой главе повести говорится об эксплуатации рабочего класса; в девятой — Твен разоблачает захватнические войны; в десятой — показан белый колонизатор в Индии. По всей повести проходят как лейтмотивы резкий антирелигиозный и антиклерикальный протест, ненависть к угнетателям и эксплуататорам, жажда социальной справедливости.

Настоящий перевод «Таинственного незнакомца» сделан по американскому изданию «Харпер энд брозерс», 1922 год.

ГЛАВА II

Мы трое всегда были вместе, чуть ли не с колыбели. Мы сразу полюбили друг друга, наша дружба крепла год от году. Николаус Бауман был сыном главного судьи. Отец Сепии Вольмейера был владельцем большого трактира под вывеской «Золотой олень»; сад при трактире со старыми раскидистыми деревьями спускался к самому берегу реки, а там была пристань с прогулочными лодками. Я, третий, Теодор Фишер, был сыном церковного органиста, который также дирижировал деревенским оркестром, обучал игре на скрипке, сочинял — музыку, служил сборщиком податей, выполнял обязанности причетника, — словом, был деятельным членом общины и пользовался всеобщим уважением.

Окрестные холмы и леса были знакомы нам не хуже, чем живущим в них птицам. Каждый свободный час мы проводили в лесу или же купались, удили рыбу, бегали по льду замерзшей реки или катались на санках по склону холма.

В княжеском парке редко кому разрешалось гулять, но мы проникали туда потому, что мы были в дружбе со старейшим из замковых слуг, Феликсом Брандтом, и часто вечером мы отправлялись к нему в гости, чтобы послушать его рассказы о старых временах и необычайных происшествиях, выкурить трубку — он научил нас курить — и выпить чашечку кофе. Феликс Брандт много воевал и был при осаде Вены [2]. Когда турок разбили и погнали прочь, среди захваченных трофеев оказались мешки с кофе, и пленные турки объяснили ему, на что годятся эти кофейные зерна, и научили изготавливать из них приятный напиток. С тех пор Брандт всегда

варил кофе, пил его сам и удивлял им людей несведущих. Если погода была ненастная, старик оставлял нас у себя на ночлег. Под раскаты грома и сверканье молний он вел свой рассказ о привидениях и всяческих ужасах, о битвах, убийствах и жестоких ранениях, а в его маленьком домике было так тепло и уютно.

Брандт черпал свои рассказы главным образом из собственного опыта. Он повстречал на своем веку немало привидений, ведьм и волшебников, а однажды, заблудившись в горах в страшную бурю, наблюдал в самую полночь при вспышке молний, как Дикий Охотник, яростно трубя в рог, промчался по небу, а за ним по разорванным тучам неслась его призрачная свора. Приходилось ему видеть и инкуба [3], и вампира, который сосет кровь у спящих, тихо обвевая их крылами, чтобы они не пробудились от рокового забвения.

Старик учил нас, что не надо пугаться ничего сверхъестественного. Призраки, говорил он, не причиняют вреда и бродят просто потому, что они одиноки, несчастны и ищут сочувствия и утешения. Постепенно и мы освоились с этой мыслью и даже спускались вместе с ним по ночам в подземелье замка, посещаемое привидениями. Призрак появился только один раз, прошел мимо нас еле видимый, бесшумно пронесся по воздуху и исчез. Мы даже при этом не дрогнули, — так воспитал нас старик Брандт. Он рассказывал после, что этот призрак иногда приходит к нему по ночам, будит его ото сна, прикасаясь к лицу липкой холодной рукой, но не причиняет ему никакого вреда, — просто ищет сочувствия. Самое же удивительное, что Брандт видел ангелов, настоящих ангелов с неба, и беседовал с ними. Они были без крыльев, одеты в обычное платье, выглядели в точности как обыкновенные люди и так же ходили и разговаривали. Никто бы вообще не принял их за ангелов, если бы они не творили чудес, которых простой смертный, конечно, творить не может, и не исчезали вдруг неведомо куда, пока вы с ними беседовали, что тоже превышает силы смертного человека. Ангелы не были унылыми или сумрачными, подобно призракам, — напротив, были веселыми и жизнерадостными.

Однажды майским утром, после затянувшихся допоздна рассказов старого Брандта, мы поднялись с постели, сытно позавтракали вместе с ним, а потом, перейдя мост влево от замка, забрались на поросшую лесом вершину холма, наше излюбленное местечко. Там мы растянулись в тени на траве, намереваясь отдохнуть, покурить и еще раз обсудить диковинные рассказы старика, произведшие на нас сильное впечатление. Но мы не могли раскурить трубку, потому что по забывчивости не захватили с собой кремня и огнива.

Немного погодя из леса показался юноша, он подошел к нам, сел рядом и заговорил с нами дружеским тоном. Мы не отвечали, — чужие люди заходили к нам редко, и мы их побаивались. Пришелец был хорош собой и нарядно одет, во всем новом. Лицо его внушало доверие, голос был приятен. Он держался непринужденно, с удивительной простотой и изяществом и был совсем непохож на застенчивых и неуклюжих молодых людей из нашей деревни. Нам хотелось завязать с ним знакомство, но мы не знали, с чего начать. Я вспомнил о трубке и подумал, что было бы славно дать покурить незнакомцу. Но тут же я вспомнил, что у нас нет огня, и мне стало обидно, что план мой нельзя выполнить. А он бросил на меня оживленный довольный взгляд и сказал:

— Нет огня? Это — пустое. Сейчас я добуду.

Я был так удивлен, что не мог ничего ответить: ведь я ни слова не произнес вслух. Он взял трубку и подул на нее. Табак затлеялся, и голубой дымок спиралью поднялся кверху. Мы вскочили с места и пустились бежать: ведь то, что произошло, было сверхъестественно. Мы отбежали недалеко, и он убедительным тоном стал просить нас вернуться, дал честное слово, что не причинит нам никакого вреда, сказал, что ему хочется подружиться с нами и побыть в

нашем обществе. Мы застыли на месте. Мы были вне себя от удивления и любопытства. Нам хотелось вернуться, но мы не решались. Он продолжал уговаривать нас, как и раньше, спокойно и рассудительно. Когда мы увидели, что наша трубка цела и ничего дурного не приключилось, мы успокоились, а потом, когда любопытство возобладало над страхом, двинулись осторожно назад, шаг за шагом, готовые в любую минуту вновь искать спасения в бегстве.

Он старался рассеять нашу тревогу и делал это умело. Когда с вами говорят так просто, так вдумчиво и ласково, опасения и робость уходят сами собой. Мы снова прониклись доверием к нему, завязалась беседа, и мы были счастливы, что нашли подобного друга. Когда стеснение наше совсем прошло, мы спросили, где он научился своему поразительному искусству, и он сказал, что нигде не учился, что от рождения наделен этой силой, да и другими способностями.

— А что ты еще умеешь?

— Да многое, всего не перечислишь.

— Ты покажешь нам? Пожалуйста, покажи! — закричали мы дружно.

— А вы не убежите?

— Нет, честное слово, нет! Пожалуйста, покажи. Ну, покажи!

— С удовольствием, но смотрите — не забудьте своего слова.

Мы подтвердили, что не забудем, и он подошел к луже, набрал воды в чашку, которую сделал из листика, подул на нее и, перевернув чашку вверх дном, вытряхнул из нее застывший кусок льда. Мы глядели, изумленные и очарованные, нам уже не было страшно, мы были очень довольны и попросили его показать нам еще что-нибудь. Он согласился, сказал, что угостит нас сейчас фруктами и чтобы мы назвали все, что хотим, не смущаясь тем, настала пора для этих фруктов или же нет. Мы закричали хором:

— Апельсин!

— Яблоко!

— Виноград!

— Ищите в карманах, — сказал он; и правда, каждый нашел в кармане то, чего пожелал. Фрукты были самого лучшего качества; мы съели их, и нам захотелось еще, но мы не решились сказать это вслух.

— Поищите в карманах, — снова сказал он, — и все, чего вы ни пожелаете, все там будет. Не нужно просить. Пока вы со мной, ваше дело только желать.

Так все и было. Никогда еще с нами не случалось ничего столь удивительного и заманчивого. Хлеб, пирожки, конфеты, орехи — чего ни пожелаешь, все у тебя в кармане. Сам он не ел ничего, а только беседовал с нами и развлекал нас новыми чудесами. Он слепил из глины маленькую игрушечную белочку, и она взбежала по дереву и, усевшись на суку, стала цокать по-беличьему. Тогда он слепил собаку величиной чуть побольше мыши, и та загнала белку на самый верх дерева и стала бегать вокруг с громким лаем, как самая заправская собака. Потом погнала белку дальше в лес и побежала вслед, пока обе не скрылись в чаще. Он слепил из глины птиц,

пустил их на волю, и, улетаая, птицы запели.

вернуться

2

Речь идет об осаде Вены турками под командованием Сулеймана V в 1529 году.

вернуться

3

Инкуб — по средневековым поверьям злой дух в обличье мужчины, который стремится вступить в любовные отношения с женщиной.

Набравшись наконец храбрости, я спросил его, кто он такой.

— Ангел, — спокойно ответил он, выпуская еще одну птицу, хлопнул в ладоши, и птица опять улетела.

Благоговейный ужас охватил нас при этих словах; мы снова были в смятении. Но он сказал, чтобы мы не тревожились: ангелов бояться не надо, — и подтвердил, что питает к нам самые добрые чувства. Он продолжал беседовать с нами все так же естественно и непринужденно, а сам мастерил в это время фигурки мужчин и женщин с палец величиной. Кукольный народец тут же принялся за работу. Они расчистили и выровняли клочок земли на поляне в два-три квадратных ярда и стали возводить славный маленький замок. Женщины замешивали известковый раствор и носили его по строительным лесам в ведрах, держа их на голове, как это делают работницы у нас в деревне, а мужчины возводили высокие стены. Не меньше пятисот этих куколок сновали взад и вперед, трудились что было сил, отирали пот со лба, словно настоящие люди. Это было так притягательно — глядеть, как пятьсот крошечных человечков строят замок, камень за камнем, башню за башней, как здание растет и обретает архитектурные формы. Страх наш снова прошел, и мы от души наслаждались. Мы спросили его, можно ли и нам смастерить что-нибудь, он сказал: «Разумеется», — и велел Сеппи слепить несколько пушек для замковых стен, Николаусу — нескольких алебардщиков в шлемах и латах, а мне — кавалеристов верхом на конях. Отдавая свои приказы, он назвал нас по имени, но при том не сказал, откуда он знает, как нас зовут. Тогда Сеппи спросил, как зовут его, и он спокойно ответил:

— Сатана.

Подставив щепку, он поймал на нее маленькую женщину которая свалилась с лесов, и, поставив ее на место, сказал:

— Экая дурочка, ступает назад и не глядит, что у нее за спиной.

Имя, которое он произнес, нас поразило; пушки, алебардщики, лошади повыпадали у нас из рук и рассыпались на куски. Сатана засмеялся и спросил, что случилось.

Я сказал:

— Ничего не случилось, но это странное имя для ангела.

Он спросил, почему я так думаю.

— Как почему? Ты ведь знаешь?... Это — *его* имя.

— Что же туг такого? Он мой родной дядя.

Он произнес это очень спокойным тоном, но у нас захватило дух и сердце заколотилось в груди. словно не замечая нашего волнения, он поднял алебардщика и другие игрушки, починил их и вернул нам назад со словами:

— Неужели вы не знаете? Ведь он тоже был раньше ангелом.

— Правда! — сказал Сеппи. — Я не подумал об этом.

— До падения ему было чуждо всякое зло.

— Да, — сказал Николаус, — он был безгрешным.

— Мы из знатного рода, — сказала Сатана, — благороднее семейства не отыскать. Он единственный, кто согрешил.

Трудно сейчас передать, как все это было для нас интересно. Когда вы сталкиваетесь с чем-либо столь необычным, захватывающим, изумительным, некий трепет и вместе с тем ликование охватывает вас с головы и до пят. Вами владеет мысль: неужели вы живы и все это видите в самом деле? Вы не в силах оторвать изумленного взгляда, губы у вас сохнут, дыхание прерывается, но вы не променяете это свое ощущение ни на что другое на свете. Мне очень хотелось спросить его кое о чем, вопрос был уже на кончике языка и удержаться мне было трудно, но я боялся, что покажусь ему слишком дерзким. Сатана отложил в сторону почти законченную фигурку быка, улыбнулся, глядя на меня, и сказал:

— Не вижу в том ничего особенно дерзкого, а если бы и увидел, то простил бы тебя. Ты хочешь знать, встречался ли я с ним? Миллионы раз. В младенчестве — мне не исполнилось тогда и тысячи лет — я был одним из двух маленьких ангелов нашего рода и нашей крови (кажется, так у вас принято выражаться), которых он особенно отличал. И так продолжалось все восемь тысяч лет (по вашему счету времени), вплоть до его падения.

— Восемь тысяч лет?

— Да.

Он повернулся теперь к Сеппи и продолжал свою речь, как бы в ответ на вопрос, который был на уме у Сеппи.

— Это верно, я выгляжу юношей. Так оно и должно быть. Наше время протяженнее вашего, и нужно немало лет, чтобы ангел стал взрослым.

Мне захотелось задать ему новый вопрос, и он повернулся ко мне и сказал:

— Если считать по-вашему, мне шестнадцать тысяч лет. Потом он посмотрел на Николауса и сказал:

— Нет. Его падение не затронуло ни меня, ни остальных членов нашего рода. Только он, в честь кого я был назван, вкусил от запретного плода и соблазнил им мужчину и женщину. Мы же, другие, греха не ведаем и согрешить не способны. Мы беспорочны и такими останемся

навсегда. Мы...

Двое крохотных рабочих повздорили. Еле слышными, как писк комара, голосками они бранились и сыпали бранью. Замелькали кулаки, полилась кровь, и вот они оба сцепились не на жизнь, а на смерть. Сатана протянул руку, сжал обоих двумя пальцами, раздавил, отбросил их в сторону, отер с пальцев кровь носовым платком и продолжал свою речь:

— Мы не творим зла и чужды всему злему, потому что не ведаем зла.

Слова Сатаны удивительным образом расходились с его поступком, но мы в тот момент не заметили этого обстоятельства, настолько нас поразило и огорчило бессмысленное убийство, которое он совершил. Это было самое доподлинное убийство, и оно не имело ни объяснения, ни оправдания, — ведь маленькие человечки не сделали ему ничего дурного. Нам было очень горько, мы полюбили его, он казался нам таким благородным, таким прекрасным и милосердным. У нас не было сомнения, что он действительно ангел. И вот он совершил эту жестокость и упал в наших глазах, а мы так гордились им.

Между тем он продолжал беседовать с нами, словно ничего не случилось, рассказывал о своих странствиях, о том, что он наблюдал в огромных мирах нашей солнечной системы и других таких же систем, разбросанных в необъятных пространствах вселенной, о жизни населяющих их бессмертных существ, и рассказы его увлекали, захватывали, завораживали нас, уводя от разыгравшейся перед нами печальной сцены. Между тем две крохотные женщины разыскали искалеченные тела своих убитых мужей и стали оплакивать их, причитая и вскрикивая. Рядом — коленопреклоненный — стоял священник, скрестив руки на груди и читая молитву. Сотни соболезнующих друзей толпились вокруг, со слезами на глазах, сняв шапки и склонив обнаженные головы. Сначала Сатана не обращал на все это никакого внимания, но потом его стал раздражать жужжащий звук молитв и рыданий. Он протянул руку, поднял тяжелую доску, служившую нам сиденьем на качелях, бросил ее на землю в том месте, где столпились маленькие люди, и раздавил их, как мух. Сделав это, он продолжал свой рассказ.

Ангел, убивающий священника! Ангел, который не ведает, что есть зло, и хладнокровно уничтожает сотни беззащитных, жалких людей, не сделавших ему ничего дурного! Мы едва не лишились чувств, когда увидели это страшное дело. Ведь ни один из этих несчастных, кроме священника, не был подготовлен к кончине; никто из них не был ни разу у мессы и даже не видел ни разу церкви. И мы трое были тому свидетелями, убийство произошло на наших глазах! Долг наш — сообщить о том, что мы видели, и дать делу законный ход.

Но он по-прежнему вел свой рассказ, и роковая музыка его голоса вновь зачаровала нас. Забыв обо всем, мы внимали его речам, и были снова исполнены любви к нему, и были снова его рабами, и он снова мог делать с нами все, что захочет. Мы были вне себя оттого, что мы вместе с ним, что мы созерцаем небесную красоту его глаз, и от малейшего прикосновения его руки счастье и блаженство разливалось по нашим жилам.

ГЛАВА III

Незнакомец побывал всюду и видел все, он все узнал и ничего не забыл. То, что другому давалось годами учения, он постигал мгновенно; трудностей для него просто не было. А когда он рассказывал, картины оживали перед глазами. Он присутствовал при сотворении мира; он видел, как бог создал первого человека; он видел, как Самсон потряс колонны храма и обрушил его на землю [4]; он видел смерть Цезаря [5]; он рассказывал о жизни на небесах; он видел, как грешники терпят муки в раскаленных пучинах ада. Все это вставало перед вами,

словно вы сами при том присутствовали и глядели собственными глазами, и вас невольно охватывал трепет. Он же, как видно, только лишь забавлялся. Видение ада — толпы детей, женщин, девушек, юношей, взрослых мужчин, стонущих в муках, моля о пощаде, — кто в силах взирать на это без слез? Он же оставался невозмутимым, словно глядел на игрушечных мышей, горящих в бенгальском огне.

Всякий раз, как он заговаривал о жизни людей на земле и об их поступках, даже самых великих и удивительных, мы испытывали словно неловкость, потому что по всему его тону было заметно, что он считает все, что касается рода людского, не заслуживающим никакого внимания. Можно было подумать, что речь идет просто о мухах. Один раз он сказал, что, хотя люди тупые, пошлые, невежественные, самонадеянные, больные, хилые и вообще ничтожные, убогие и никому не нужные существа, он все же испытывает к ним некоторый интерес. Он говорил без гнева, как о чем-то само собой разумеющемся, как если бы речь шла о навозе, о кирпичках, о чем-то неодушевленном и совсем несущественном. Видно было, что он не хотел нас обидеть, но все же мысленно я укорил его в недостаточной деликатности.

— Деликатность! — сказал он. — Я говорю вам правду, а правда всегда деликатна. То, что вы называете деликатностью, — вздор. А вот и наш замок готов. Ну как он вам нравится?

Как мог он нам не понравиться! Глядеть на него было одно удовольствие. Он был так красив, так изящен и так удивительно продуман во всех деталях, вплоть до флажков, развевающихся на башнях. Сатана сказал, что теперь надо установить пушки у всех бойниц, расставить алебардчиков и построить конницу. Наши солдатики и лошадки никуда не годились: мы были еще неискusstны в лепке и не сумели слепить их как следует. Сатана признался, что хуже он не встречал. Когда он оживил их прикосновением пальца, на них невозможно было без смеха смотреть. Ноги у солдат оказались разной длины, они шатались, валялись, как пьяные, и наконец растянулись ничком, не в силах подняться. Мы засмеялись, но это было горькое зрелище. Мы зарядили пушки землей, чтобы салютовать, но пушки тоже были негодными и взорвались при выстреле, и часть канониров была убита, а часть покалечена. Сатана сказал, что, если мы пожелаем, он устроит сейчас бурю и землетрясение, но тогда нам лучше отойти в сторону, чтобы не пострадать. Мы хотели забрать с собой и маленьких человечков, но он возразил, что этого делать не следует; они никому не нужны, а если понадобятся, мы слепим других.

Маленькая грозная туча спустилась над замком, блеснула крохотная молния, грянул гром, задрожала земля, пронзительно засвистел ветер, зашумела буря, полил дождь, и маленький народец бросился искать убежища в замке. Туча становилась все чернее и чернее и почти уже скрыла от нас замок. Молнии, сверкая одна за другой, ударили в кровлю замка, и он запылал. Свиристые, красные языки пламени пробивались сквозь темную тучу, и народ с воплями побежал прочь из замка. Но Сатана движением руки загнал их обратно, не обращая внимания на наши просьбы, мольбы и слезы. И вот, покрывая вой ветра и раскаты грома, раздался взрыв, взлетел на воздух пороховой погреб, земля расселась, пропасть поглотила развалины замка и сомкнулась вновь, похоронив все эти невинные жизни. Из пятисот маленьких человечков не осталось ни одного. Мы были потрясены до глубины души и не могли удержаться от слез.

— Не плачьте, — сказал Сатана, — они никому не нужны.

— Но они попадут теперь в ад!

— Ну и что же? Мы слепим других.

Растрогать его было нельзя. Как видно, он вовсе не знал, что такое жалость, и не мог нам

сочувствовать. Он был отлично настроен и так весел, как будто устроил свадьбу, а не побоище. Ему хотелось, чтобы и у нас было такое же настроение, и с помощью своих чар он преуспел и в этом. И это не стоило ему большого труда, он делал с нами все, что хотел. Прошло пять минут, и мы плясали на этой могиле, а он наигрывал нам на странной певучей свирели, которую достал из кармана. Это была мелодия, какой мы никогда не слыхали, — такая музыка бывает только на небесах; оттуда, с небес, он и принес ее нам. Наслаждение сводило нас с ума, мы не в силах были оторвать от него глаз и тянулись к нему всем сердцем, и наши немые взгляды были исполнены обожания. Эту пляску он тоже принес нам из горних сфер, и мы вкушали райское блаженство.

Потом он сказал, что ему пора уходить: у него важное дело. Для нас было невыносимо расстаться с ним, и мы, обняв его, стали просить, чтобы он остался. Наша просьба, как видно, обрадовала его; он согласился побыть с нами еще и предложил посидеть всем вместе и побеседовать. Он сказал, что, хотя Сатана его настоящее имя, ему не хотелось бы, чтобы оно стало известно всем; при посторонних мы должны называть его Филипп Траум. Это простое имя, оно не вызовет ни у кого удивления.

Имя было слишком будничным и ничтожным для такого создания, как он. Но раз он так захотел, мы не стали ему возражать. Его решение было для нас законом. Мы досыта нагляделись чудес в этот день, и я подумал, как славно будет рассказать обо всем виденном дома. Он приметил мою мысль и сказал:

— Нет, об этом будем знать только мы четверо. Впрочем, если тебе не терпится рассказать, попытайся. А я позабочусь, чтобы язык твой не выдал тайны.

Досадно, но что ж тут поделаешь! Мы только вздохнули разок-другой про себя и продолжили беседу. Сатана по-прежнему отвечал нам на мысли, не дожидаясь вопросов, и мне казалось, что это самое поразительное из всего, что он делает. Он прервал тут мои размышления и сказал:

— Тебя это удивляет, на самом же деле ничего удивительного здесь нет. Я не ограничен в своих возможностях, подобно вам. Я не подвластен условиям человеческого существования. Мне вняты слабости человека потому, что я изучил их, но сам я от них свободен. Вы ощущаете мою плоть, касаясь меня, но она прозрачна, как прозрачно и мое платье. Я — дух. А вот к нам идет отец Питер.

Мы оглянулись. Никого не было.

— Он приближается. Скоро придет.

— Ты знаком с отцом Питером, Сатана?

— Нет.

— Пожалуйста, поговори с ним, когда он придет. Он умный и образованный человек, не то что мы трое. Ему будет приятно с тобой побеседовать. Пожалуйста!

— В другой раз. Мне пора уходить. А вот и он, теперь вы все видите. Сидите спокойно — ни слова.

Мы оглянулись, отец Питер шел к нам из каштановой рощи. Мы сидели втроем на траве, а Сатана напротив нас на тропинке. Отец Питер шел медленным шагом, понурив голову. Не дойдя до нас нескольких ярдов, он остановился, словно намереваясь заговорить с нами, снял

шляпу, вынул фуляровый платок из кармана и стал вытирать лоб. Постояв так, он тихо сказал, как бы обращаясь к себе:

— Не знаю, что меня сюда привело. Всего минуту тому назад я сидел у себя дома. А теперь мне вдруг кажется, будто я проспал целый час и пришел сюда во сне, не замечая дороги. Так тревожно на душе эти дни. Я словно сам не свой.

Он двинулся дальше, продолжая что-то шептать, и прошел сквозь Сатану, как через пустое место. Мы просто остолбенели. Хотелось крикнуть, как это бывает, когда случается что-то совсем неожиданное, но крик непонятным образом замер у нас в горле, и мы сидели безгласные, тяжело переводя дыхание. Как только отец Питер скрылся в лесу, Сатана сказал:

— Ну что, убедились вы теперь, что я дух?

вернуться

4

По библейской легенде, взятый в плен и ослепленный филистимлянами Самсон вернул свою силу и обрушил на себя и врагов кровлю храма.

вернуться

5

Гай Юлий Цезарь был убит республиканцами под предводительством Брута в 44 году до н. э.

— Да, так оно, наверно, и есть... — сказал Николаус. — Но мы ведь не духи. Понятно, что он не увидел тебя, но как это он не увидел и нас? Он глядел нам прямо в лицо и словно не замечал.

— Да, я сделал вас тоже невидимыми.

С трудом верилось, что это не сон, что мы участники всех этих поразительных необычайных событий. А он сидел рядом с самым непринужденным видом, такой естественный, простой, обаятельный, и вел с нами беседу. Трудно передать словами владевшие нами чувства. Это был, наверно, восторг, а восторг не укладывается в слова. Восторг — как музыка. Попробуйте передать другому свои впечатления от музыки так, чтобы он ими проникся. Сатана снова стал вспоминать давние времена, и они вставали перед нами словно живые. Он видел многое, очень многое. Мы глядели втроем на него и пытались представить себе, каково быть таким, как он, и нести на себе этот груз воспоминаний. Человеческое существование казалось теперь нам уныло-будничным, а сам человек — однодневкой, вся жизнь которой укладывается в один-единственный день, быстротекущий и жалкий. Сатана не старался щадить наше уязвленное самолюбие. Он говорил о людях все тем же бесстрастным тоном, как говорят о кирпичах или навозной куче; было видно, что люди не интересуют его нисколько, ни с положительной, ни с отрицательной стороны. Он не хотел нас обидеть, был, вероятно, далек от этого. Когда вы говорите: кирпич плох, вы не задумываетесь о том, оскорблен ли кирпич вашим суждением. Чувствует ли кирпич? Вам не приходилось думать об этом?

Раз, когда он швырял величайших монархов, завоевателей, поэтов, пророков, мошенников и пиратов — всех в одну грудку, как швыряют кирпич, я не выдержал посрамления человечества и

спросил, почему, собственно, ему кажется, что так велика разница между ним и людьми. Он был сперва озадачен, он не сразу сумел понять, как мог я задать такой странный вопрос. Потом он сказал:

— Какая разница между мной и человеком? Какая разница между смертностью и бессмертием, между пролетающим облаком и вечно живущим духом?

Он поднял травяную тлю и посадил ее на кусок коры.

— Какая разница между этим созданием и Юлием Цезарем?

Я сказал:

— Нельзя сравнивать то, что несравнимо ни по масштабу, ни по своей природе.

— Ты сам ответил на свой вопрос, — сказал он. — Сейчас я все поясню. Человек создан из грязи, я видел, как он был создан. Я не создан из грязи. Человек — это собрание болезней, вместилище нечистот. Он рожден сегодня, чтобы исчезнуть завтра. Он начинает свое существование как грязь и кончает как вонь. Я же принадлежу к аристократии Вечных существ. Кроме того, человек наделен Нравственным чувством! Ты понимаешь, что это значит? Он наделен Нравственным чувством! Довольно этого одного, чтобы оценить разницу между мною и им.

Он замолчал, как бы исчерпав тему. Я был огорчен. Хотя в то время я имел очень смутное представление о том, что такое Нравственное чувство, я тем не менее знал, что, имея его, следует этим гордиться, и меня задела ирония Сатаны. Так, должно быть, огорчается вырядившаяся молодая франтиха, когда слышит, как люди смеются над ее любимым нарядом, а она-то считала, что все от него без ума! Наступило молчание, мне было грустно. Помолчав, Сатана заговорил о другом, и скоро его живая, остроумная, брызжущая весельем беседа вновь захватила меня. Он нарисовал несколько уморительно смешных сцен. Он рассказал, как Самсон привязал горящие факелы к хвостам диких лисиц и пустил их на поля филистимлян [6], как Самсон сидел на плетне, хлопал себя по ляжкам и хохотал до слез, а под конец свалился от смеха на землю. Вспоминая это, Сатана сам рассмеялся, а следом за ним и мы трое дружно принялись хохотать.

Немного погодя он сказал:

— Теперь мне пора уходить, у меня неотложное дело.

— Не уходи! — закричали мы хором. — Ты уйдешь и не вернешься назад.

— Я вернусь, я даю вам слово.

— Когда? Сегодня же вечером? Скажи — когда?

— Скоро. Я вас не обманываю.

— Мы любим тебя.

— И я вас люблю. И на прощание покажу вам забавную штуку. Обычно, уходя, я просто исчезаю из глаз. А сейчас я неспешно растаю в воздухе, и вы это увидите.

Он поднялся на ноги и тотчас стал быстро меняться у нас на глазах. Его тело словно таяло,

пока он не сделался вовсе прозрачным, как мыльный пузырь, сохраняя при этом свой прежний облик и очертания. Сквозь него были видны теперь окружающие кусты, и весь он переливался и сверкал радужным блеском и отражал на своей поверхности тот рисунок наподобие оконного переплета, который мы наблюдаем на поверхности мыльного пузыря. Вам, наверно, не раз приходилось видеть, как пузырь катится по полу и, прежде чем лопнуть, легко подскакивает кверху раз или два. С ним было то же. Он подскочил, коснулся травы, покатился, взлетел кверху, коснулся травы еще раз, еще, потом лопнул — пуфф! — и ничего не осталось.

Это было красивое, удивительное зрелище. Мы молчали и продолжали, как прежде, сидеть, шурясь, раздумывая и мечтая. Потом Сеппи встал и сказал нам с печальным вздохом:

— Наверно, ничего этого не было.

И Николаус вздохнул и сказал что-то в том же роде.

Мне было грустно, та же мысль беспокоила и меня. Тут мы увидели отца Питера, который возвращался назад по тропинке. Он шел согнувшись и что-то искал в траве. Поравнявшись с нами, он поднял голову, увидел нас и спросил:

— Вы давно здесь, мальчики?

— Недавно, отец Питер.

— Значит, вы шли за мной и, быть может, поможете мне. Вы шли тропинкой?

— Да, отец Питер.

— Вот и отлично. Я тоже шел этой тропинкой. Я потерял кошелек. Почти что пустой, да не в этом дело: в нем все, что у меня есть. Вы не видели кошелька?

— Нет, отец Питер, но мы вам поможем искать его.

— Об этом я и хотел вас просить. Да вот он лежит!

В самом деле! Кошелек лежал на том самом месте, где стоял Сатана, когда начал таять у нас на глазах, — если, конечно, все это не было сном. Отец Питер поднял кошелек, и на лице его выразилось недоумение.

— Кошелек-то мой, — сказал он, — а содержимое — нет. Мой кошелек был тощий, а этот — полный. Мой кошелек был легкий, а этот — тяжелый.

Отец Питер открыл кошелек и показал его нам: он был туго набит золотыми монетами. Мы смотрели во все глаза, потому что никогда не видели столько денег сразу. Мы раскрыли рты, чтобы сказать: это дело рук Сатаны, — но ничего не сказали. Так вот оно что! Когда Сатана не хотел, мы просто не могли вымолвить ни единого слова. Он нас предупредил.

— Мальчики, это ваших рук дело?

Мы засмеялись, и отец Питер тоже, поняв всю нелепость того, что сказал.

— Здесь был кто-нибудь?

Мы снова раскрыли рты, чтобы ответить, но ничего не сказали. Сказать, что никого не было, мы не могли, это было бы ложью, а другого ответа не находилось. Мне вдруг пришла на ум

верная мысль, и я сказал:

— Здесь не было ни единого человека.

— Да, это так, — подтвердили мои товарищи, стоявшие оба разинув рты.

— Вовсе не так, — возразил отец Питер и строго на нас посмотрел. — Правда, здесь было пусто, когда я проходил, но это еще ничего не значит. С тех пор кто-то здесь побывал. Человек этот мог, конечно, вас обогнать, и я вовсе не утверждаю, что вы его видели. Но то, что здесь кто-то прошел, — несомненно. Дайте мне честное слово, что вы никого не видели.

— Ни единого человека.

— Ну хорошо, я вам верю.

Он присел и стал считать деньги. Мы опустились рядом с ним на колени и принялись раскладывать золотые монетки на маленькие равные кучки.

— Тысяча сто дукатов с лишним! — сказал отец Питер. — О боже, если бы мне эти деньги! Я так нуждаюсь!

Губы его задрожали, голос пресекался.

— Сэр, это ваши деньги, — закричали мы хором. — До последнего геллера.

— Увы, здесь моих только четыре дуката. А остальное...

Бедный старик принялся размышлять, поглаживая монеты в руках, и вскоре забылся в думках. Он сидел на корточках, с непокрытой седой головой, на него было больно глядеть.

вернуться

6

Еще один эпизод из цикла библейских легенд о борьбе Самсона с филистимлянами.

— Нет! — сказал он, как бы очнувшись. — Деньги чужие, и я не могу ими пользоваться. Быть может, это ловушка. Какой-нибудь враг...

Николаус сказал:

— Отец Питер, если не считать астролога, у вас и у Маргет не найдется врага во всей нашей деревне. А если бы и нашелся такой, неужели он бы пожертвовал тысячу сто дукатов только лишь для того, чтобы сыграть с вами злую шутку? Подумайте-ка об этом!

Отец Питер не мог не признать, что Николаус привел здравый довод, и немножко приободрился.

— Даже если ты прав, деньги-то все равно не мои.

Он сказал это слабым голосом, словно был бы доволен, если бы мы привели ему какое-нибудь возражение.

— Они ваши, отец Питер, все мы свидетели. Правда, ребята?

— Конечно, все мы свидетели! Так мы и скажем.

— Благослови вас господь, мальчики, вы почти меня убедили. Сотня дукатов спасла бы меня. Дом мой заложен, и если к завтраму мы не уплатим долга, нам негде будет приклонить голову. Но у меня всего четыре дуката...

— Деньги ваши до последней монеты. Возьмите их, отец Питер. Мы поручимся, что деньги ваши. Не так ли, Сеппи? И ты, Теодор?

Мы поддержали Николауса, и он набил ветхий кошель золотыми монетами и вручил его старику. Отец Питер сказал, что он возьмет себе двести дукатов — его дом стоит того, и послужит надежным залогом, — а остальное отдаст под проценты, пока не разыщется настоящий владелец. Нас же он позже попросит подписать свидетельство в том, как деньги нашлись, чтобы никто не подумал, что он спасся от своей неминуемой беды бесчестным путем.

ГЛАВА IV

В деревне было немало шума, когда на другое утро отец Питер уплатил свой долг Соломону Айзексу золотыми монетами, а остаток денег поместил у него под проценты. Наблюдались также другие приятные перемены: многие из деревенских жителей посетили отца Питера, чтобы поздравить его, некоторые из его бывших друзей вновь обрели с ним дружбу, а в довершение всего Маргет получила приглашение на танцы.

Отец Питер не делал тайны из своей находки. Он рассказывал все подробно, каким путем получил свои деньги, и добавлял, что не знает, как объяснить случившееся: разве только это рука провидения.

Были слушатели, которые покачивали головами, а потом толковали между собой, что это больше походит на фокусы Сатаны (нельзя не признать, что эти темные люди проявили на этот раз изрядную проницательность). Были еще и такие, что старались всякими хитроумными способами выведать у нас у троих «настоящую правду». Они говорили, что ищут ее не из каких-нибудь тайных видов, а просто так, интереса ради, и клялись молчать. Они даже сулили заплатить нам за нашу тайну; и если бы мы сумели придумать какую-нибудь небылицу, то, пожалуй, и согласились бы, но ничего почему-то не шло в голову, и мы не без тайной досады должны были отказаться от соблазнительной сделки.

Эту тайну мы держали при себе без особых мук, но другая тайна, великая и ослепительная, жгла нас словно огнем. Она так и просилась наружу. Нам ужасно хотелось ее разгласить и поразить всех своим рассказом. Но мы вынуждены были хранить свою тайну, а вернее, она сама хранила себя, как предсказал Сатана.

Каждое утро мы уходили и уединялись в лесу, чтобы потолковать о Сатане. По правде сказать, ничто нас больше не занимало, и ни о ком больше мы не желали думать. День и ночь мы высматривали его, ждали, придет ли он, и нетерпение наше все возрастало. Прежние друзья утратили для нас интерес, мы не могли больше участвовать в их играх и в их забавах. По сравнению с Сатаной они были такие скучные. Какими пресными и унылыми казались нам их речи, их интересы рядом с его рассказами о древних временах и отдаленных созвездиях, с его чудесами, с его таинственными исчезновениями!

В тот день, когда отец Питер нашел эти деньги, нас сильно заботила одна тайная мысль, и мы

то и дело под разными предложениями наведывались к священнику, чтобы проверить, как там дела. Мы боялись, что золотые монеты вдруг обратятся в прах, как это обычно бывает с деньгами, полученными волшебной силой. Но ничего худого не приключилось. Пришел вечер — все было в порядке, и мы успокоились. Это было настоящее золото.

У нас был еще один важный вопрос к отцу Питеру, и на второй вечер мы трое пошли к нему, предварительно бросив жребий, кто будет держать речь, потому что этот вопрос нас сильно смущал. Напустив на себя равнодушный вид, но не поборов все же внутреннего смущения, я спросил:

— Что такое Нравственное чувство, сэр?

Он удивленно взглянул на меня поверх своих больших очков.

— Это то, что позволяет нам отличать добро от зла.

Ответ отца Питера не устранил наших недоумений. Я был озадачен и отчасти разочарован. Он ждал, что скажу я еще, и я, не зная, как быть, спросил:

— А к чему оно нам, сэр?

— К чему оно нам? Боже милостивый! Нравственное чувство, дружок, это то, что возвышает нас над бессловесными тварями и дает нам надежду на будущее спасение.

Я не знал, что еще сказать, и мы попрощались и вышли из дома священника со странным чувством, словно мы ели, наелись досыта, но не утолили голода. Мои друзья хотели, чтобы я разъяснил им слова отца Питера, но я почувствовал вдруг утомление и ничего не сумел им сказать.

Когда мы проходили через гостиную, то увидели, что Маргет играет на клавинообразных инструментах со своей ученицей Мари Люгер, и это значило, что к Маргет вернутся и все остальные ученики. Маргет вскочила и со слезами принялась благодарить нас за то, что мы спасли от беды ее и ее дядю, а мы ей сказали, что мы тут совсем ни при чем. Это был уже третий раз, что она нас благодарила. Уж такая была она девушка: если кто-нибудь сделает для нее хоть какую-нибудь безделицу, она будет век благодарна. Мы не мешали ей выражать свои чувства. В саду мы встретили Вильгельма Мейдлинга. Близился вечер, и он пришел пригласить Маргет прогуляться с ним у реки, когда она кончит урок. Мейдлинг был молодой адвокат, он пользовался популярностью у нас в городке, дела его шли потихоньку, но все же успешно. Он и Маргет с детства любили друг друга, и Мейдлинг не покинул в беде священника, как это сделали все другие, а был в это время с ним. Маргет и отец Питер оценили верность молодого юриста. Он не обладал выдающимся дарованием, но был приветливым добрым малым, а это тоже немалый талант и помогает всем в жизни. Вильгельм Мейдлинг спросил нас, скоро ли окончится у Маргет урок, и мы сказали, что он уже близок к концу. Может быть, это было так, а может быть, и не так. Мы знали, что он с нетерпением ждет окончания урока, и нам хотелось его порадовать.

ГЛАВА V

На четвертый день после всех этих событий астролог вышел из своей полуразрушенной башни и, направляясь в деревню, как видно, узнал о случившемся. Он отозвал нас в сторону, и мы рассказали ему все, что было возможно, — так как ужасно боялись его. Он погрузился в раздумье и думал долго. Потом спросил:

— Сколько денег было в кошельке?

— Тысяча сто семь дукатов, сэр.

Тогда он сказал, словно вслух размышляя:

— Странная история... Оч-чень странная. Удивительное совпадение. — И стал нас снова расспрашивать и заставил еще раз все рассказать до конца. Потом он сказал:

— Тысяча сто шесть дукатов. Немалые деньги.

— Тысяча сто семь, — поправил его Сеппи.

— Сто семь, говоришь? Дукатом больше, дукатом меньше — не имеет значения. Но сперва ты сказал — тысяча сто шесть.

Мы знали, что он не прав, но опасались противоречить ему. Наконец Николаус сказал:

— Если мы ошиблись, то извините нас, но там было ровно тысяча сто семь дукатов.

— Пусть это тебя не тревожит, друг мой. Я только хотел отметить, что ты и твои друзья в этом путаетесь. Да и не удивительно, прошло уже несколько дней, от вас нельзя теперь требовать точности. Когда нет особых примет, чтобы твердо запомнить счет, память часто нам изменяет.

— Такие приметы были, сэр! — возразил ему быстро Сеппи.

— Какие же, сын мой? — спросил астролог безразличным тоном.

— Мы считали монеты по очереди, и у всех получалось тысяча сто шесть дукатов, потому что одну монету я спрятал. А когда пришла моя очередь, я положил ее снова и сказал: «Вы ошиблись, здесь тысяча сто семь. Пересчитайте». Они посчитали еще раз и удивились. Тогда я сказал им, что спрятал монету.

Астролог спросил у нас, как было дело, и мы подтвердили рассказ Сеппи.

— Все ясно! — сказал астролог. — Эти деньги краденые, дети мои, и я знаю, кто вор.

Он ушел, оставив нас в сильной тревоге. Что все это может значить? Через час все в деревне уже знали, что отец Питер арестован за кражу; он украл у астролога деньги. Деревня гудела, как улей. Одни говорили, что это, конечно, ошибка, — такой человек, как отец Питер, денег не украдет. Другие покачивали головами — лишения и голод толкнут хоть кого на преступление. В одном, впрочем, все сходились: рассказ отца Питера о том, как ему достались дукаты, неправдоподобен — такого ведь не бывает. Астрологу, может, к лицу подобные приключения, но никак не отцу Питеру! Вспомнили и о нас. Мы засвидетельствовали находку священника; теперь все хотели знать, сколько он заплатил нам за это. Люди так прямо и говорили и только презрительно фыркали, когда мы просили их верить, что наше свидетельство ни в чем не отходит от истины. Родные сердились на нас пуще всех. Отцы говорили, что мы позорим семью, и велели нам тотчас отречься от лжи. Мы продолжали стоять на своем, и гнев их был беспределен. Матери горько рыдали, умоляли нас отдать отцу Питеру взятку, чистосердечно во всем признаться, вернуть себе честное имя, снять позор с семьи. Под конец нас так замучили эти попреки, что мы уже были готовы рассказать все, как было, — про встречу с Сатаной и дальнейшее; но слова не шли у нас с языка. Все это время мы ждали, что Сатана придет и поможет нам выпутаться, но его не было.

Прошло не больше часа после нашей беседы с астрологом, и отец Питер уже сидел за решеткой, а деньги были опечатаны и переданы властям. Деньги лежали все так же в мешке; Соломон Айзекс сказал, что, раз посчитав их, он к ним больше не прикасался. Он присягнул также, что это те самые деньги и что их ровно тысяча сто семь дукатов. Отец Питер потребовал, чтобы его судили духовным судом, но отец Адольф, наш второй священник, заявил, что священнослужитель, отрешенный от должности, неподсуден такому суду. Епископ склонялся к такому же мнению, и это решило вопрос. Дело отца Питера подлежало разбору в светском суде. Суд должен был собраться через короткое время. Вильгельм Мейдлинг хотел защищать отца Питера на суде и готов был, конечно, сделать все, что в человеческих силах, но нам он по секрету сказал, что доказательства недостаточны, чтобы выиграть дело. Сила и предубеждение на стороне астролога.

Новое счастье Маргет оказалось недолговечным. Никто из друзей не пришел, чтобы выразить ей сочувствие, да она и не ждала их. В анонимной записке ей спешно сообщили, что приглашение на танцы отменено. Ученицы перестанут ходить к ней. На что она будет жить? На улицу, правда, ее не гнали, — закладная считалась оплаченной, хоть дукаты, миновав незадачливого Соломона Айзекса, перешли в руки властей. Старуха Урсула, которая в свое время нянчила Маргет и служила теперь в доме у отца Питера кухаркой, горничной, экономкой и прачкой в одном лице, говорила, что господь не даст им погибнуть. Старуха так говорила потому, что была богобоязненной женщиной, но при том понимала, что господней помощи надо искать; сама она в руки не дастся.

Мы решили было отправиться к Маргет и подтвердить ей, что мы, как и прежде, ее друзья, но родители запретили нам это, боясь оскорбить общину. Астролог бродил по деревне, восстанавливая всех против отца Питера и повторяя, что тот украл у него тысячу сто семь дукатов. Он говорил, что сразу понял, кто вор, когда услышал, что отец Питер «нашел» ту самую сумму денег, которую он, астролог, утратил.

На четвертый день после этих печальных событий к нам в дом постучалась старуха Урсула, спросила, нет ли чего постирать. Она умоляла мою мать никому не рассказывать, иначе Маргет узнает и запретит ей ходить на заработки. У них нечего есть, и Маргет совсем ослабела. Сама Урсула тоже была слаба, это было сразу заметно по ней. Когда ее позвали к столу, она набросилась на еду, как умирающий с голоду, но взять что-нибудь с собой отказалась; Маргет, сказала она, не примет милостыни.

Забрав белье, Урсула пошла к ручью постирать, но мы увидели через окно, что она с трудом держит в руках валеки. Тогда мы позвали ее назад и предложили ей денег. Она сначала отнекивалась, боясь, как бы Маргет не догадалась, что деньги дареные, а потом все же взяла и решила сказать Маргет, что нашла их, идя по дороге. Чтобы при том не солгать и не погубить свою душу, она попросила меня уронить на дороге монету где-нибудь у нее на виду. Я так и сделал. Она словно вдруг заметила, подняла, удивленно и радостно вскрикнула и зашагала дальше. Как и все в нашей деревне, Урсула лгала без зазрения совести и не страшилась адского пламени, когда дело касалось обиходных, привычных вещей. История с монетой была необычной и потому внушала ей опасения. Попрактиковавшись с неделю в подобной лжи, она по привычке бы к ней и лгала бы уже с легкостью. Таковы и мы все.

Меня не оставляла тревожная мысль: на что они будут жить дальше? Не может же Урсула находить каждый день по монете, — вторая такая находка и то будет выглядеть странной. Мне было стыдно, что я не бываю у Маргет, когда она так нуждается в дружеской помощи. Правда, вина не моя, а моих родителей; тут я не мог ничего поделать.

Грустный, шагал я один по тропинке, как вдруг меня пронизало, как дрожь, бодрящее чувство

свежести. Я возликовал — ощущение было уже мне знакомо — Сатана был где-то поблизости. Через миг он шагнул рядом со мной, и я рассказывал ему о несчастье, случившемся с Маргет и ее дядей, и о наших тревогах. Повернув за угол, мы увидели старую Урсулу; она сидела под деревом. На коленях у нее приютился тощий бездомный котенок. Я спросил, откуда он взялся, и Урсула ответила, что он прибежал из леса и не отстает от нее ни на шаг. Котенок, как видно, остался без матери и без хозяев, и она хочет взять его. Сатана вмешался:

— Я слышал, вы сильно нуждаетесь. К чему вам еще один рот в доме? Почему не отдать котенка кому-нибудь, кто побогаче?

Урсула почувствовала себя задетой и возразила:

— Уж не вы ли желаете его взять? Если судить по вашим манерам и платью, вы, наверное, из богачей.

Презрительно фыркнув, она продолжала:

— Отдать кому побогаче — недурная затея! Богатые люди думают лишь о себе, а бедняк посочувствует бедняку и поможет ему. Бедняк да господь бог. Господь бог поможет котенку.

— Почему вы так думаете?

Урсула сердито сверкнула глазами:

— Я не думаю, я уверена, — сказала она. — Воробей упадет на землю только по воле господней.

— Раз упадет, так не все ли равно, по воле или без воли господней.

Старуха Урсула раскрыла рот, но ничего не сказала; так ужаснули ее эти слова. Когда она обрела наконец дар речи, то закричала с гневом:

— Пошел вон отсюда, щенок, пока тебя не погнало палкой.

Я замер от страха. Я знал, что Сатана, со своими взглядами на человеческий род, может, не моргнув даже глазом, убить Урсулу и потом объяснить, что таких старух и без нее сколько угодно. Предупредить Урсулу я тоже не мог, слова не сходили у меня с языка. Ничего страшного, однако, не произошло. Сатана остался спокойным — спокойным и безразличным. Я думаю, что Урсула не в силах была его оскорбить по той же причине, по какой навозный жук не в силах оскорбить короля. Прикрикнув на Сатану, старуха вскочила на ноги с живостью молодой девушки — уже много лет она не чувствовала себя такой сильной. Это было влияние Сатаны. Он вливал силу в слабого и бодрость в немощного. Действие этой силы почувствовал даже тощий котенок; он спрыгнул на землю и погнался за сухим листком. Урсула была поражена. Позабыв про свой гнев, она глядела теперь на котенка и в удивлении покачивала головой.

— Что с ним случилось? — спросила она. — Он был ведь такой слабенький, еле ходил.

— Мне кажется, что вам не приходилось иметь дела с кошками этой породы, — сказал Сатана.

Урсула не собиралась любезничать с неизвестно откуда взявшимся дерзким насмешником. Она сердито поглядела на него и сказала:

— Не знаю, откуда вы пожаловали сюда и зачем вы ко мне привязываетесь. Не беритесь

судить, с чем я имела дело и с чем не имела.

— Хорошо, а встречались ли вам котята, у которых сосочки на языке глядят не назад, а вперед?

— Нет, да и вам тоже!

— А ну-ка, троньте язычок у котенка.

Урсула стала очень проворной, но котенок был еще поворотливее ее, так что она не сумела его поймать. Сатана сказал:

— Позовите его по имени. Может быть, он тогда подойдет.

Урсула стала кликать котенка то так, то эдак, но он не слушался.

— А ну, позовите его: «Агнесса». Попробуйте.

Котенок откликнулся на имя «Агнесса» и подбежал к старухе.

Урсула потрогала ему язычок.

— А верно, — сказала она. — Провалиться мне на этом месте! Никогда не встречала таких кошек. Уж не ваша ли это кошка?

— Нет.

— А откуда вы знаете, как ее звать?

— Всех кошек этой породы зовут Агнессами, на другое имя они просто не откликаются.

На Урсулу это произвело впечатление.

— Странное дело, — сказала она.

Потом на ее лице мелькнула тревога; в ней проснулось суеверное чувство. Хоть и с видимой неохотой, она опустила котенка на землю и сказала:

— Пожалуй, пусть лучше идет. Я не боюсь, разумеется... чего тут бояться... но священник нам говорил... и люди тоже рассказывали... приходилось не раз слышать... да и котенок вроде окреп и сумеет теперь сам о себе позаботиться.

Повздыхав, старуха пошла было прочь, потом тихо сказала:

— Славный такой котенок, и нам было бы веселее. А то дома так одиноко и грустно в эти тревожные дни... Мисс Маргет все время горюет, совсем в тень превратилась, а хозяин в тюрьме...

— Жаль бросать такого котенка, — сказал Сатана.

Урсула живо оборотилась, словно надеясь получить у него поддержку.

— Почему вы так думаете? — спросила она грустно.

— Кошки этой породы приносят удачу.

— Правда? Приносят удачу? Откуда вы знаете? И как приносят они удачу?

— Не берусь сказать вам, как именно, но они приносят Доход.

Урсула была разочарована.

— Доход? От кошки? Не верится! Да и не в нашей деревне! Здесь кошку не купят, задаром и то не возьмут.

Урсула уже повернулась, чтобы идти домой.

— Зачем же ее продавать? Оставьте себе. Кошек этой породы зовут Кошками, Приносящими Счастье. Владелец такой кошки каждое утро находит в кармане четыре серебряных зильбергроша.

Я видел, как старуха вспыхнула от негодования. Это уж слишком: мальчишка над ней насмеяется. Засунув руки в карманы, она расправила плечи, чтобы по-свойски его отчитать. Сейчас она ему скажет! Урсула раскрыла рот и уже начала свою гневную речь, как вдруг замолчала. Досада в ее лице уступила место растерянности, удивлению, испугу. Медленно вытащив обе руки из карманов, она разжала свои кулаки и уставилась на ладони. На одной лежала монета, которую она утром получила от нас, на другой — четыре серебряных зильбергроша. Она продолжала глядеть на монеты, ожидая, что они, быть может, исчезнут. Но потом сказала с жаром:

— Да, это правда! Правда! Мне теперь очень стыдно, и я прошу прощения у вас, о господин мой и благодетель!

Подбежав к Сатане, она стала целовать ему руки, как это в обычае у нас в Австрии.

В глубине души Урсула, может быть, и считала, что все, что случилось, — чистое колдовство и что кошка орудие дьявола, но это было, пожалуй, и к лучшему, потому что вселяло уверенность, что деньги будут поступать аккуратно и они с Маргет будут сыты и обеспечены. В той мере, в какой это касается денег, даже самые благочестивые из наших крестьян считают сделку с дьяволом более надежной, чем с ангелом. Урсула направилась быстро домой, держа Агнессу в руках, и я позавидовал кошечке, что она сейчас увидится с Маргет.

Едва я успел это подумать, как мы были в доме священника. Мы стояли в гостинной, и Маргет глядела на нас с удивлением. Маргет была очень бледная, слабенькая, но я был уверен, что она почувствует себя лучше в присутствии Сатаны. Так и случилось. Я представил ей Сатану, как Филиппа Траума. Мы сели втроем, началась беседа. Никакой принужденности не чувствовалось. Мы, деревенские жители, люди простые, и если гость приходится нам по душе, мы привечаем его. Маргет сперва удивилась, почему же она не видела, как мы вошли. Траум ответил, что дверь была приоткрыта, мы вошли незамеченными и ждали, пока Маргет к нам обернется. Это была неправда. Дверь была на замке, и мы с ним проникли каким-то иным путем, через крышу, сквозь стены, спустились ли по трубе, я уж не знаю. Впрочем, когда Сатана хотел в чем-нибудь убедить своих слушателей, это ему всегда удавалось. И сейчас Маргет вполне удовлетворилась его объяснением. Не говорю уж, что она была полностью поглощена им самим, не могла глаз от него отвести, такой был он красавец. Я был доволен и очень гордился им. Я надеялся, что Сатана покажет какие-нибудь чудеса, но он, очевидно, намерен был в этот раз обойтись приятной беседой — и вдобавок еще враньем. Так, например, он сказал, что он сирота. Это вызвало жалость у Маргет, и слезы сверкнули в ее глазах. Он сказал, что не знал никогда материнской ласки, что его мать умерла, когда он был еще маленьким. Отец же был слаб здоровьем и небогат, — во всяком случае, богатства его отца

были не те, что ценятся в этом мире. Зато у него есть дядюшка в далеких тропических странах, делец, богач и владелец доходнейшей монополии; на счет этого дяди он и живет. Упоминание о щедром дядюшке заставило Маргет вспомнить своего дядю, и в глазах у нее снова блеснули слезы. Она сказала, что было бы очень приятно, если бы его дядя и ее дядя когда-нибудь познакомились. У меня по спине пробежали мурашки. Филипп сказал, что такое знакомство вполне вероятно. Я снова вздрогнул.

— Чего не бывает на свете, — промолвила Маргет. — Ваш дядюшка путешествует?

— Да, постоянно. У него ведь дела по всему свету.

Так шла беседа, и бедная Маргет позабыла на время все свои горести. Это был у нее, должно быть, первый приятный час за долгое время. Я видел, что Филипп ей очень понравился; впрочем, это было легко заранее предсказать. Когда же он заявил, что готовится стать священником, то понравился ей еще больше. Затем он пообещал, что устроит ей пропуск в тюрьму, чтобы увидеться с отцом Питером, — тут она просто пришла в восторг. Он сказал, что подкупит стражу. Ее же дело, как только стемнеет, прямо идти в тюрьму и там без дальних затей предъявить записку, которую он ей даст, — при входе раз — и при выходе. Он начертил на листке какие-то странные письма и вручил ей записку. Маргет радостно поблагодарила его и с нетерпением стала ждать сумерек. Надо сказать, что в эти древние жестокие времена узникам не позволяли видеться с близкими, и бывало, что они проводили долгие годы в темнице, так и не увидев ни разу дружеского лица. Я решил, что письма на бумаге — какое-то заклинание, что стражники пропустят Маргет, не понимая, что делают, и тут же забудут об этом. Так оно и случилось.

Урсула просунула в дверь голову и сказала:

— Ужин готов, барышня.

Тут она заметила нас, испуганно поманила меня к себе, и, когда я к ней подошел, спросила, не рассказали ли мы Маргет про кошку. Когда я ответил, что нет, она осталась довольна и просила молчать и дальше, а то мисс Маргет подумает, что тут колдовство, пошлет за священником, тот освятит кошку — и доходам придет конец. Я сказал, что мы будем молчать, и она успокоилась. Я начал прощаться с Маргет, но Сатана прервал меня и каким-то путем, не нарушив ни единого правила вежливости, устроил так, что и он и я остались поужинать. Маргет была смущена, она знала, что их ужином не накормишь и цыпленка. Урсула услышала в кухне наш разговор и вошла в комнату очень рассерженная. Она не скрыла своего удивления, когда увидела, как весела Маргет и какой яркий румянец играет у нее на щеках. Потом, обратившись к ней на своем родном божемском наречии, сказала (я выяснил это позднее):

— Пусть уходят, мисс Маргет. Нам нечем их накормить.

Маргет не успела еще ничего ей ответить, как Сатана вмешался и заговорил с Урсулой на ее родном диалекте (чем удивил немало и ее и Маргет). Он спросил:

— Не с вами ли мы беседовали недавно тут на дороге?

— Да, сударь.

— Очень приятно. Я рад, что вы еще не забыли меня.

Он подошел к ней и тихо шепнул:

— Разве я не сказал вам, что это Кошка, Приносящая Счастье? Не тревожьтесь об ужине.

Беспокойство Урсулы как рукой сняло, и в ее глазах блеснули жадность и удовольствие. Как разумно она поступила, что взяла в дом эту кошку! Маргет не сразу освоилась с мыслью, что мы остаемся ужинать, а потом просто и безыскусственно, как было в ее обычае, сказала, что ужин скудный, но она будет рада, если мы разделим его с ней.

Ужин был подан на кухне, Урсула прислуживала. На сковородке, аппетитно потрескивая, жарилась рыбка; для Маргет, видимо, подобная роскошь была неожиданностью. Урсула подала рыбку к столу, и Маргет, поделив ее на две порции — одну Сатане и другую мне, — уже начала объяснять, почему ей сегодня не хочется рыбы, но вдруг замолкла: на сковородке уже жарилась другая, цельная рыбка. Хоть Маргет и была удивлена, но ничего не сказала. Должно быть, она решила ни о чем Урсулу не спрашивать, пока мы с Сатаной не уйдем. Неожиданность следовала за неожиданностью: на столе появилось вино, потом блюдо с мясом, дичь, фрукты — угощения, каких давно уже не было в этом доме. Маргет ничего не говорила и даже перестала выражать удивление; в этом, конечно, сказывалось воздействие на нее Сатаны. Сатана, не умолкая, болтал, был весел и остроумен, и время шло незаметно. Он здорово врал, но трудно было его упрекать за это. В конце концов, он был ангел, а ангелы в подобных вопросах не разбираются. Они не отличают хорошего от дурного. Сатана сам мне так говорил. Он решил зачем-то понравиться и Урсуле и стал в разговоре с Маргет ее расхваливать — будто бы потихоньку, но так, чтобы Урсула все слышала. Он сказал, что она красивая женщина и что он хотел бы познакомить с ней своего дядю. Не прошло и пяти минут, как Урсула уже интересничала и жеманилась, изображая из себя молодую девушку, и оглаживалась, как свихнувшаяся старая курица. Вдобавок она делала вид, будто не слышит, что говорит Сатана. Мне было стыдно за Урсулу, ее поведение подтверждало слова Сатаны, что люди глупы и пошлы. Сатана сказал, что его дядя часто должен устраивать большие приемы. Умная женщина, которая заняла бы место хозяйки в доме, сумела бы сделать их, без сомнения, еще более привлекательными.

— Ваш дядя, наверное, из знатного рода? — спросила Маргет.

— Да, — отвечал Сатана равнодушно. — Некоторые даже, желая польстить ему, именуют его князем. Но он, что называется, без предрассудков и оценивает людей не по званию, а по их личным качествам.

Я сидел опустивши руку, и Агнесса, подойдя, лизнула ее язычком. Тайна обнаружилась. Я открыл рот, чтобы сказать: «Экие глупости! Самая обыкновенная кошка! Сосочки у нее на языке смотрят назад, не вперед». Но слова почему-то застряли у меня в глотке. Сатана засмеялся, и я понял, что должен об этом молчать.

Когда стемнело, Маргет уложила в корзину фрукты, много всякой еды и питья и побежала в тюрьму, а мы с Сатаной не спеша направились к моему дому. Я подумал, что было бы интересно узнать, что происходит за тюремными стенами. Сатана подслушал мою мысль, и в ту же минуту мы с ним были в тюрьме. Он сказал, что мы находимся в камере пыток. Я увидел дыбу и другие орудия пытки; дымящиеся факелы по стенам создавали зловещий сумрак. Кругом собрались палачи и еще какие-то люди. Они не обращали на нас никакого внимания, — это значило, что мы с Сатаной невидимы.

На полу лежал молодой человек, связанный по рукам и ногам. Сатана сказал, что его подозревают в ереси и сейчас будут допрашивать. Палачи требовали, чтобы он признался в своей вине. Он отказывался, утверждая, что не виновен. Тогда они принялись загонять ему под ногти деревянные шпильки, и он стал громко кричать от боли. Сатана остался невозмутим, но

я не вынес этого зрелища, и он вытащил меня наружу почти без чувств. Свежий воздух помог мне прийти в себя, и мы направились к моему дому. Я сказал, что это ужасное зверство.

— Нет, это чисто человеческая жестокость. Ты оскорбляешь своими словами зверей. Они этого не заслуживают.

Он стал развивать эту тему:

— Таковы все вы, люди. Лжете, претендуете на добродетели, которых у вас в помине нет, и не желаете признавать их за высшими животными, которые действительно их имеют. Зверь никогда не будет жестоким. Это прерогатива тех, кто наделен Нравственным чувством. Когда зверь причиняет кому-либо боль, он делает это без умысла, он не творит зла, зло для него попросту не существует. Он никогда не причинит никому боли, чтобы получить от того удовольствия; так поступает только один человек. Человек поступает так, вдохновленный все тем же убудочным Нравственным чувством. При помощи этого чувства он отличает хорошее от дурного, а затем решает, как ему поступить. Каков же его выбор? В девяти случаях из десяти он предпочитает поступить дурно. На свете нет места злу; и его не было бы совсем, если бы не вы с вашим Нравственным чувством. Беда в том, что человек нелогичен, он не понимает, что Нравственное чувство позорит его и низводит до уровня самого низшего из одушевленных существ. Ну как, прошла твоя дурнота? Сейчас я тебе еще кое-что покажу.

ГЛАВА VI

Миг — и мы очутились во Франции. Мы идем по огромной фабрике. Вокруг нас, в грязи и в духоте, окруженные облаком пыли, трудятся мужчины, женщины, дети. Они в лохмотьях, двигаются с трудом; они голодны и измучены; веки у них смыкаются на ходу. Сатана сказал:

— Вот тебе Нравственное чувство на практике. Владельцы этой фабрики богаты и богомольны. Но братьям своим и сестрам, работающим на них, они платят так мало, что те только что не мрут с голоду. Эти люди, дети и взрослые, трудятся по четырнадцать часов в день, зиму и лето, с шести утра да восьми вечера. От лачуг, в которых они ютятся, до фабрики добрых четыре мили, и они проходят эти четыре мили дважды в день, по лужам и грязи, в дождь и в снег, в гололедицу и метель, — год за годом, всю свою жизнь. Спят они четыре часа в сутки, живут в невообразимой грязи и вони, три семьи в одной конуре, и мрут от болезней, как мухи. Быть может, это преступники? Нет, они неповинны ни в каком преступлении. За что же они так страшно наказаны? Ни за что, разве только за то, что по глупости своей родились людьми. Только что ты видел, как карают виновного; сейчас ты видишь, как карают невинных. Ну что, есть логика у людей? Лучше ли этим немытым праведникам, чем тому еретику? Я думаю, нет. Его страдания ничто по сравнению с их страданиями. Когда мы ушли из тюрьмы, палачи колесовали его и превратили в кровавое месиво. Сейчас он уже мертв и, значит, ускользнул от своих достойных собратьев. А эти рабы? Они уже умирают годы и годы, и некоторым из них не удается умереть еще долгое время. Нравственное чувство помогло владельцам этой фабрики разобраться в вопросе, что есть добро и что — зло. Результаты ты видишь сам. И вы еще утверждаете, что вы обогнали собак! Не знаю, найдется ли кто на свете менее способный к логическому мышлению, чем ваша людская порода. Жалкая это порода!

Он принялся всячески высмеивать человеческий род. Он иронизировал над тщеславной страстью людей к воинским подвигам, хохотал над «бессмертными героями», «немеркнущей славой», «непобедимыми монархами», «голубой кровью», «историческими достопамятностями», так насмеялся, что мне наконец сделалось не по себе. Немножко поостыв, он сказал:

— В конце концов, это не только смешно, но и грустно, если подумать, как коротка и эфемерна вся ваша жизнь и как нелепы ваши претензии.

Окружавшие нас предметы и люди внезапно исчезли. Эта перемена была мне уже знакома. Мы шагали по нашей деревне, внизу у реки поблескивали огни «Золотого оленя». Из тьмы послышался ликующий крик:

— Он здесь!

Это был Сеппи Вольмайер. Сердце у него вдруг забилося быстро и радостно, и он понял, хоть и не мог еще ничего разглядеть в темноте, что Сатана где-то здесь поблизости. Он подошел к нам, и мы зашагали втроем. Сеппи был вне себя от восторга, словно любовник, нашедший потерянную возлюбленную. Сеппи был живой, смысленый мальчишка и, в отличие от Николауса и меня, выражал свои чувства открыто и бурно. Сейчас он был очень взволнован таинственным происшествием: бесследно исчез наш деревенский бродяга Ганс Опперт. Сеппи сказал, что народ любопытствует, куда же он мог подеваться? Он не сказал, что народ беспокоится. Народ любопытствовал, и не более того. Это было сказано очень точно. Ганса никто не видел уже два дня.

— С тех пор как он учинил эту зверскую штуку, — добавил Сеппи.

— Какую зверскую штуку? — спросил Сатана.

— Видишь ли, он постоянно бьет своего пса. Это добрейший пес, его единственный друг. Он очень предан Гансу, любит его, да и вообще никому не делает зла. И вот третьего дня Ганс принялся вдруг дубасить его ни за что, просто так, ради потехи. Пес ластился к нему и скулил, и мы с Теодором пытались вступиться, но Ганс только бранился, а потом так ударил пса, что выбил ему глаз, а нам сказал: «Вот, получайте! Это за то, что мешаетесь не в свое дело!» И захохотал, подлый зверь.

Голос Сеппи дрогнул от негодования и жалости. Я знал заранее, что скажет сейчас Сатана.

— Опять эта путаница и вздор про зверей. Зверь никогда так не поступит.

— Но ведь это бесчеловечно.

— Нет, Сеппи, как раз человечно. Вполне человечно. Грустно слушать, когда ты порочишь высших животных и приписываешь им побуждения, которые им чужды и живут только в сердце у человека. Высшие животные не заражены Нравственным чувством. Лучше следи за тем, что ты говоришь, Сеппи, выкинь из головы весь этот лживый вздор.

Тон его был непривычно суровым, и я пожалел, что не успел рассказать Сеппи, что думает Сатана обо всех этих вещах. Я знал, как Сеппи сейчас расстроен. Он охотнее поссорился бы со всеми своими родичами, чем с Сатаной. Мы оба молчали, чувствуя себя очень неловко, как вдруг появился пес Ганса Опперта. Бедняга бросился к Сатане, выбитый глаз висел у него на ниточке; он скулил и повизгивал. Сатана стал ему отвечать, и мы поняли, что они беседуют по-собачьи. Мы сидели все на траве, луна светила сквозь облака, Сатана притянул голову пса к себе на колени и вложил глаз в глазницу, и пес успокоился, завилял хвостом, лизнул Сатане руку и сказал, как он ему благодарен. Я уверен, что это было именно так, хотя и не понял слов. Они с Сатаной еще потолковали немного, и Сатана сказал:

— Он говорит, что его хозяин был пьян.

— Это верно, — подтвердили мы оба.

— Через час после того, как они ушли из деревни, его хозяин свалился с обрыва возле Клиф-Пасчюрс.

— Клиф-Пасчюрс! Это в трех милях отсюда.

— Он говорит, что уже несколько раз прибежал в деревню за помощью, но его не слушали, гнали прочь.

Мы вспомнили, что пес действительно прибежал, но мы не знали тогда, что ему нужно.

— Он приходил за помощью для человека, который дурно с ним обращался, он ни о чем больше не мог думать, не просил даже пищи, хотя был очень голоден. Он провел обе ночи возле своего хозяина. Что скажешь теперь о людях? Кто поверит, что вечное блаженство уготовано им, а не этой собаке? Может ли человеческий род соперничать с этой собакой, с ее нравственной силой, с добротой ее сердца? — Последние его слова были обращены к псу, который плясал на месте, веселый и счастливый, ожидая, как видно, приказа Сатаны, чтобы тут же его выполнить.

— Соберите народ и идите все за собакой. Она покажет вам, где лежит эта падаль. Возьмите с собой священника, чтобы обеспечить ему блаженство: он при смерти.

С этими словами, к нашему великому огорчению, Сатана исчез. Мы собрали людей, позвали отца Адольфа, но нашли Опперта уже при последнем издыхании. Все остались равнодушны к его смерти, кроме собаки. Она жалобно скулила, облизывая лицо мертвеца, и была безутешна. Ганса Опперта похоронили без гроба на том самом месте, где он лежал, — он был нищим, у него не было ни единого друга, кроме этой собаки. Если бы мы пришли часом раньше, священник мог бы еще спасти несчастную душу и отправить ее в рай; теперь же она в аду и будет гореть в адском пламени. Обидно, что в этом мире, где многие не знают, куда девать свое время, для этого бедняка не нашлось одного часа, который решал, будет ли он блаженствовать или терпеть вечные муки. Меня ужаснуло, что час времени значит так много в судьбе человека! Я решил, что теперь ни за что на свете не стану тратить времени зря. Сеппи совсем загрустил; он сказал, что гораздо лучше было бы стать собакой и не заботиться о спасении своей души. Мы забрали собаку Ганса домой и решили оставить ее у себя. На обратном пути Сеппи пришла в голову счастливая мысль, которая подбодрила нас и сильно утешила. Сеппи сказал, что раз пес простил своего хозяина, который причинил ему столько зла, быть может, бог зачтет это Гансу Опперту за отпущение грехов.

Вся следующая неделя прошла очень уныло. Сатана не явился, ничего примечательного не происходило, навестить Маргет мы не решались, потому что ночи стояли лунные и кто-нибудь мог нас заметить. Но мы несколько раз встречали Урсулу, когда она прогуливалась с кошечкой у реки, и узнали, что все у Маргет благополучно. Урсула была в новом платье, лицо ее светилось довольством. Четыре серебряных зильбергроша аккуратно появлялись каждое утро, причем не было надобности тратить их на еду, вино и тому подобное. Все съестное кошка доставляла бесплатно.

Теперь Маргет меньше страдала от заброшенности и одиночества; к тому же ее навещал Вильгельм Мейдлинг. Каждый вечер она проводила час или два в тюрьме со своим дядей и с помощью той же кошки значительно улучшила его тюремный паек. Она крепко запомнила Филиппа Траума, и ей хотелось, чтобы я привел его снова. Да и Урсула тоже частенько вспоминала о нем и расспрашивала о его дяде. Мы с трудом удерживались от смеха: я успел

рассказать ребятам, какие небылицы плел ей тогда Сатана. Урсула же ничем не могла поживиться от нас: ведь мы ничего не могли рассказать ей о Сатане, даже если бы захотели.

Из болтовни Урсулы мы выяснили, что теперь, когда в доме есть деньги, они с Маргет решили нанять слугу для черной работы и для посылок. Урсула сообщила об этом, как о чем-то само собой разумеющемся, но видно было, что бедняжка почти вне себя от тщеславия и гордости. Мы позабавились, глядя, как старуха упивается своим новым величием, но когда узнали, кто их слуга, то почувствовали беспокойство. При всей нашей молодости и легкомыслии в некоторых жизненно-важных вопросах мы разбирались не хуже взрослых. Их выбор пал на парнишку по имени Готфрид Нарр, глуповатого и добродушного, о котором трудно было сказать что-нибудь дурное. Но семья Нарров находилась под подозрением, что было вполне естественно: всего полгода тому назад его бабку сожгли на костре за ведовство. А ведь известно, что, когда в семье заведется такая зараза, одним костром ее никогда не выжжешь. Маргет и Урсула поступили очень неблагоразумно, что связались с Готфридом Нарром. Охота на ведьм в наших краях никогда еще не была такой яростной, как в последнее время. От одного упоминания о ведьмах нас охватывал леденящий душу страх. Да и как было тут не бояться — ведовство так распространилось в последнее время! В старину ведьмами бывали только старухи, а сейчас ловят ведьм какого угодно возраста, вплоть до восьми— и девятилетних девчонок. Ни за кого нельзя поручиться, каждый может вдруг оказаться слугой дьявола — мужчина, женщина, ребенок. В нашей деревне старались вывести ведовство с корнем, но чем больше мы жгли ведьм, тем больше их появлялось.

Как-то в женской школе, в десяти милях от нас, учительница увидела у одной девочки на спине красные, воспаленные пятнышки. Она, конечно, струхнула: не дьяволова ли это отметина? Девочка впала в отчаяние и умоляла учительницу никому ничего не рассказывать; она уверяла, что это следы от блошиных укусов. Дело пошло своим ходом, школьниц подвергли осмотру, пятнышки оказались у всех пятидесяти девочек, но у одиннадцати из них пятнышек было особенно много. Назначили тут же комиссию, которая и допросила одиннадцать школьниц; они ни в чем не желали сознаться и только кричали: «Мама!» Тогда их заперли поодиночке в темных камерах и посадили на десять дней и десять ночей на хлеб и воду. К концу этого срока они перестали плакать, сидели исхудавшие, с блуждающим взглядом, не принимали совсем пищи и только что-то несвязно про себя бормотали. Потом одна призналась, что часто летала верхом на метле на шабаш в сумрачное ущелье в горах, пила там вино, неистовствовала, плясала там с ведьмами и даже с самим Нечистым и что все они вели себя там непотребно, кощунственно, поносили священников и проклинали господа бога. Правда, девочка не смогла рассказать все это в достаточно связной форме и не сумела вспомнить подробности, но зато члены комиссии точно все знали, что ей следует помнить: у них был вопросник для изобличения ведьм, составленный еще лет двести тому назад. Они только спрашивали: «А это ты делала?» И она отвечала: «Да!» — и глядела на них бессмысленно и уныло. Когда остальные десять девочек услышали, что их подруга созналась, они тоже решили сознаться и тоже ответили: «Да!» Тогда их всех вместе сожгли на костре. Это было, конечно, разумное, правильное решение. Все в деревне пошли смотреть, как их будут жечь. Я тоже пошел. Но когда я узнал одну из них, веселую красивую девочку, с которой мы часто вместе играли, когда я увидел ее прикованную к столбу и услышал рыдания ее матери, которая, обнимая дочь и осыпая ее поцелуями, непрерывно кричала: «Господи, боже мой! Господи, боже!» — я не вынес этого ужаса и пошел прочь.

Когда сожгли бабушку Готфрида Нарра, стоял сильный мороз. Ее обвинили в том, что она вылечивала людей от головной боли, массируя им затылок и шею. Каждому было понятно, что она делала это с помощью дьявольских чар. Судьи хотели расследовать дело, но старуха сказала, что в этом нет никакой нужды, что она и так готова признать, что она ведьма. Тогда ее

приговорили к сожжению на рыночной площади утром на следующий день. Первым на площадь утром пришел человек, который должен был все приготовить для казни и разжечь костер. Потом тюремщик привел старуху, оставил ее на площади и отправился за другой ведьмой. Родственники старухи не пришли с ней проститься, народ был озлоблен и мог их обидеть или даже побить камнями. Я пришел на площадь и угостил старуху яблоком. Она сидела на корточках у костра и грелась; губы ее и сморщенные старческие руки посинели от холода. Рядом с нами стоял какой-то чужой человек, — это был путешественник, гостивший у нас проездом. Он ласково заговорил со старухой и, видя, что, кроме меня, никого кругом нет, выразил ей участие. Он спросил ее, подлинно ли она ведьма, и она ответила — нет. Удивленный и еще более опечаленный, он воскликнул:

— Зачем же ты на себя наклепала?

— Я бедная старуха, — сказала она, — и живу только тем, что заработаю. Что мне еще оставалось делать? Если я буду отрицать, что я ведьма, меня, может быть, и выпустят. Но что со мной станется? Всем известно, что меня судили за ведовство, и никто не захочет теперь у меня лечиться. Люди будут травить меня собаками. Я погибну от голода. Пусть уж лучше меня сожгут, — по крайней мере, скорый конец. Спасибо вам обоим, вы были добры ко мне.

Она пододвинулась ближе к костру и протянула руки, чтобы согреть их; снежные хлопья тихо и ласково опускались на ее седую голову, которая становилась все белее и белее. Собрались зрители, кто-то бросил в старуху яйцом. Оно попало ей в глаз, разбилось и потекло по щеке. Послышался смех.

Я рассказал Сатане эту историю про бабушку Готфрида Нарра и про одиннадцать девочек, но мой рассказ его, как видно, не тронул. Таков род человеческий, сказал Сатана, и лучше совсем не касаться того, что творят люди. Он повторил также, что видел сам, как создан был человек, и что он был слепок из грязи, а не из глины, — частью, во всяком случае. Я знал, какую часть он имеет в виду, — ту, что именуется Нравственным чувством. Увидев, что я угадал его мысль, он засмеялся. Потом подозвал вола, пасшегося поблизости, ласково тронул его за холку и о чем-то с ним побеседовал.

— Вот возьми хоть вола, он не станет терзать малых детей одиночеством, страхом и голодом, ввергать их в безумие, а потом жечь на костре ни за что. Он не станет надирать сердце бедной, ни в чем не повинной старухи и доводить ее до того, что она побоится жить среди себе же подобных. Он не станет издеваться над ней в ее смертный час. Вол не станет этого делать потому, что он не заклеимен Нравственным чувством. Вол не знает зла и не творит зла; он подобен ангелам в небе.

При всем своем обаянии Сатана был суров до жестокости, когда речь заходила о человеческом роде. Он презирал людей и не находил в их защиту ни единого слова.

Как я уже раньше сказал, мы считали, что Урсула поступила весьма опрометчиво, наняв мальчика из семьи Нарров. И мы были правы: люди вознегодовали, услышав об этом. Откуда взялись эти деньги на слугу, рассуждали они, когда старухе с девушкой самим не хватает на хлеб? Еще недавно Готфрида все сторонились, но теперь, чтобы удовлетворить свое любопытство, люди стали заговаривать с ним и искать его общества. Готфрид был очень доволен, по своей простоте он не видел ловушки и болтал, как сорока.

— Откуда берутся деньги? — говорил он в ответ на вопросы. — Да у них полно денег! Я получаю два зильбергроша в неделю, не считая харчей. Едят все самое вкусное. У князя и то нет такого стола.

В воскресенье утром астролог сообщил эту новость отцу Адольфу, когда тот шел домой от мессы. Священник был сильно взволнован и сказал:

— Этим необходимо заняться.

Он решил, что здесь кроется колдовство, и велел своим прихожанам снова втереться в доверие к Урсуле и Маргет и наблюдать за ними. Сделать это нужно было с большой осторожностью, не вызывая ничьих подозрений. Сначала никто не хотел путаться в колдовские дела, но священник сказал, что все, кто войдет в этот дом, будут находиться под его личной защитой, а если они вдобавок прихватят с собой четки и малость святой воды, то с ними наверняка не случится худого. После таких обещаний появилось много охотников отправиться в гости к Маргет, а более завистливые и злые даже рвались туда, чтобы поскорее выполнить поручение священника.

Бедняжка Маргет была вне себя от восторга, когда деревенские жители снова начали с ней дружить. Она, простая душа, была очень довольна, что им с Урсулой теперь получше живется, и не видела повода это скрывать. Она радовалась каждому доброму слову вернувшихся к ней приятелей; ведь на свете нет ничего тяжелее, чем попасть в презрение к друзьям.

Поскольку запрет был снят, мы тоже отправились к Маргет. Мы бывали теперь у нее ежедневно вместе со своими родителями и со всеми соседями. Кошечке пришлось туго. Она кормила теперь ораву гостей, причем угощала их самыми редкими блюдами и поила такими винами, о каких они даже не слыхивали, разве только от княжеских слуг. Сервировка стола была тоже изысканной.

Иногда у Маргет бывали минуты сомнения, и она принималась расспрашивать Урсулу об источнике их благополучия. Урсула ссылалась на руку всевышнего и ни словом не упоминала о кошке. Маргет знала, конечно, что рука всевышнего не оскудеет, но продолжала тревожиться, хоть и сама боялась признаться себе в этом. Порой ей являлась в голову мысль о колдовских чарах, но она отвергала ее: ведь благополучие ее и Урсулы началось еще до того, как они взяли на службу Готфрида Нарра, а Урсула так благочестива и так ненавидит всякое ведовство. Постепенно Маргет уверилась, что дом их находится под покровительством провидения. Кошечка же помалкивала и с течением времени становилась все более искусной и опытной домоправительницей.

В любом обществе, малом или большом, всегда найдется сколько-то добронамеренных по своей природе людей, которых не так-то просто подбить на дурной поступок; разве только если поставить всерьез под угрозу их собственное благополучие или сильно их запугать еще каким-нибудь способом. И у нас в Эзельдорфе были такие люди, и в обычное время они оказывали смягчающее влияние на нравы. Но сейчас время было суровое — шла охота на ведьм, — и во всей общине не осталось уже ни единого человека с искрой жалости и благородства в душе. То, что творилось в доме у Маргет, пахивало колдовством. Люди страшились, и страх помрачал им рассудок. Конечно, встречались еще такие, что втайне жалели Маргет и Урсулу, впутавшихся в это страшное дело; но эти люди молчали, боясь пропасть ни за что ни про что. Так оно шло, и не было человека, который предупредил бы беспечную девушку и глупую старуху о нависшей над ними беде. Мы тоже не раз собирались, но нам не хватало храбрости. Что пользы себя обманывать? Мы были трусами и не могли решиться на добрый поступок, потому что он грозил нам опасностью. Признаваться друг другу в низости нам не хотелось, и мы поступали так, как поступают все при таких обстоятельствах, — не касались больной темы совсем. Но я-то отлично знал, что Сеппи и Николаус не меньше моего чувствуют себя подлецами, когда сидят за столом у Маргет вместе с толпой соглядатаев, дружески с ней болтают, похваляют угощение, смотрят на ее счастливое личико и ни словом не намекают,

что она идет к гибели. А она-то так рада, так счастлива, так горда, что снова с друзьями. Между тем гости зыркали по сторонам и передавали каждое ее слово отцу Адольфу.

Отец Адольф никак не мог взять в толк: что же такое происходит в доме у Маргет? Кто-то там занят волшбой, но кто же? Ни Маргет, ни Урсулу, ни Готфрида никто ни разу не видел за колдовскими занятиями, и тем не менее вина и изысканные лакомства не сходили со стола в этом доме, и каждого угощали всем, чего он только захочет. Что при помощи колдовских чар можно добыть любое угощение — понятно, но это была, как видно, волшба совершенно особая, без заклинаний и без заговоров, без призраков, молнии и землетрясений, — иными словами, нечто новое и неслыханное. О подобной волшбе в книгах ничего не найти. То, что создано чарами, имеет, как всем известно, лишь призрачное существование. Когда чары перестают действовать, золото превращается в прах, а пища распадается и исчезает. Здесь же все было иначе. Соглядатаи отца Адольфа доставляли ему образчики угощений из дома Маргет. Он творил над ними молитву, но без малейшего толку. Продукты оставались съедобными. Они теряли свежесть лишь по прошествии времени, нисколько не отличаясь в том от продуктов, приобретенных на рынке.

Отец Адольф был озадачен и даже обескуражен. То, что ему удалось выяснить до сих пор, заставляло его втайне склоняться к мысли, что колдовства нет. Но полной ясности не было. Всегда ведь возможны новые, неведомые виды волшбы. Наконец он нашел способ проверить свои сомнения: если ему удастся твердо установить, что все эти яства, которыми Маргет кормит своих гостей, не вносятся в дом извне, значит — в доме волшба.

ГЛАВА VII

Маргет решила устроить званый обед и позвала к себе сорок гостей. До торжественного дня оставалась неделя. Это был подходящий случай для отца Адольфа. Дом Маргет стоял на отшибе, и за ним легко было следить. Все семь дней дом находился под наблюдением. Было установлено, что Урсула и Готфрид выходили из дома и возвращались домой как обычно, но ни они и ни кто другой ничего в дом не вносили. Следовательно, никаких запасов для сорока гостей куплено не было. Если хозяйева все же собираются их кормить, значит, они рассчитывают добыть свои яства, не выходя из дому. Правда, Маргет по вечерам уходила куда-то одна с корзинкой в руках. Но шпионы отца Адольфа все утверждали, что, когда она возвращалась, корзинка была пустой.

Гости явились в полдень и заполнили весь дом. Пришел и отец Адольф. Вслед за ним пожаловал астролог, которого никто не приглашал. Ему уже донесли, что ни с парадного, ни с черного хода в дом Маргет не вносили никаких свертков. Войдя же, он убедился, что гости едят и пьют, и празднество идет полным ходом. Вдобавок, как он заметил, многие блюда, которыми кормили гостей, были так свежи, словно только что изготовлены. Свежи были и фрукты, не только местные, наши, но и те, что привозят из дальних стран. Сомнений больше не оставалось — тут колдовство! Правда, не было ни призраков, ни заклинаний, ни громовых ударов. Что ж, значит, здесь колдовство особого рода, невиданное. Здесь действует колдовство небывалое, колдовство изумительной силы, и ему, астрологу, суждено раскрыть эту тайну. Весть о его подвиге пронесется по всему миру до самых дальних пределов и потрясет сердца, он будет известен каждому, имя его засияет в веках. Подумать только, как ему повезло! При одной мысли об этом у него голова шла кругом.

Все расступились, чтобы дать дорогу астрологу. Маргет любезно пригласила его принять участие в пиршестве. Урсула велела Готфриду придвинуть отдельный столик, накрыла его для астролога и спросила, чего он желает отведать.

— Угостите меня по вашему выбору, — сказал он.

Двое слуг устали стол яствами и подали две бутылки вина — одну красного и одну белого. Астролог, который, должно быть, даже не видывал никогда подобного угощения, наполнил свой кубок красным вином, осушил его разом, налил другой и с волчьим аппетитом принялся за еду.

Я не думал, что придет Сатана, — мы не встречались уже неделю, — но вот он явился среди гостей. Я еще не успел увидеть его, как почувствовал, что он здесь. Он извинился, что пришел неприглашенным, сказал, что заглянул просто так, на минутку. Маргет стала уговаривать его остаться, он поблагодарил и остался. Она повела его к столу, представляя своим подругам, Вильгельму Мейдлингу, некоторым из почетных гостей.

Послышался шепот:

— Это молодой незнакомец, о котором столько все говорят.

— Его очень редко увидишь. Всегда в разъездах.

— Какой красавец! Как его звать?

— Филипп Траум.

— Подходящее имя! («Траум» по-немецки значит «мечта»).

— А чем он занимается?

— Говорят, готовится стать священником.

— С такой внешностью он далеко пойдет; не удивлюсь, если увижу его Кардиналом.

— А откуда он?

— Говорят, откуда-то из южных тропических стран, у него там богатый дядя.

И далее в том же роде.

Он всем сразу понравился, всем захотелось познакомиться и побеседовать с ним. И вдруг все с удивлением почувствовали, как легко им стало дышать, словно их овеял ветерок; но причину этого они не могли угадать. Ведь солнце палило все так же с раскаленного синего неба.

Астролог осушил второй кубок и налил себе третий. Ставя бутылку на место, он случайно опрокинул ее. Вино потекло на скатерть. Он быстро поднял бутылку и стал разглядывать ее на свет, восклицая: «Какая жалость! Королевский напиток!» Тут лицо его вдруг засветилось торжеством, и он крикнул:

— Принесите чашу! Живее!

Ему принесли огромную чашу вместимостью в четыре кварты. Он поднял над ней свою двухпинтовую бутылку и стал лить в чашу вино. Алая жидкость, булькая и бурля, полилась в белую чашу, поднимаясь все выше и выше. Все глядели затаив дыхание. Чаша наполнилась до краев.

— Смотрите, — сказал астролог, поднимая бутылку с вином против света, — бутылка полна по-

прежнему.

В этот миг я поднял глаза на Сатану — он внезапно исчез. Отец Адольф поднялся с кресла, дрожа от волнения, осенил себя крестным знаменем и что было голоса возопил:

— Да будет проклят сей дом!

Толпа гостей с плачем и воплями ринулась к двери.

— Повелеваю хозяевам сего нечестивого обиталища...

Осталось, увы, неизвестным, что хотел добавить отец Адольф: он сперва покраснел, потом побагровел от натуги, но не сумел вымолвить более ни слова. Тут я увидел, как Сатана — или, точнее, его бесплотная тень — вошел в тело астролога, и астролог, подняв руку, крикнул (голос был бесспорно его):

— Погодите! Остановитесь!

Все остановились.

— Приносите воронку!

Перепуганная, трепещущая Урсула принесла тотчас воронку, и астролог поднял огромную чашу и стал лить вино обратно. Народ глядел в изумлении: все знали, что бутылка и так полна. Перелив содержимое чаши в бутылку, астролог вдруг ухмыльнулся с победным видом, а потом, хихикнув, сказал:

— Это сущие пустяки для меня, мелкая дробь. Вы еще не знаете силы моего чародейства.

С испуганным воплем: «Колдун!» — толпа ринулась вновь к двери, и вскоре в доме не осталось никого из гостей, кроме нас и Вильгельма Мейдлинга. Нам троим было ясно, что произошло, но мы ни с кем не могли поделиться. Молодец Сатана! Если бы он не вмешался, беды бы не миновать.

Маргет сидела бледная, в слезах. Мойдлинг и Урсула словно лишились речи. Хуже всех себя чувствовал Готфрид Нарр, от страха он едва стоял на ногах. Он был из семьи колдунов, даже малейшее подозрение в волшебстве было бы для него гибельным. В комнату вошла кошка Агнесса с невинным и благочестивейшим видом и подошла к старухе Урсуле, чтобы та ее приласкала. Урсула испуганно отстранилась, но постаралась сделать это без грубости; она понимала, что ссориться с этакой кошкой неблагоприятно. Мы же трое стали ласкать Агнессу. Раз Сатана ей покровительствовал, значит, это была славная кошечка, — в других рекомендациях мы не нуждались. Сатана любил все живые существа, лишённые Нравственного чувства.

Выбравшись из дому, перепуганные гости продолжали свое паническое бегство по улице, а после рассеялись с такими отчаянными воплями, стонами и рыданиями, что подняли на ноги всю деревню. Люди выскакивали из домов, чтобы узнать, что приключилось, и, в свою очередь, присоединялись к взволнованной, бурной толпе. Когда появился отец Адольф, толпа расступилась, подобно водам Чермного моря, и дала ему путь [7]. За отцом Адольфом важно шагал астролог, беспрестанно бормотавший что-то свое под нос. Толпа сомкнулась за ним, заполняя проход, и каждый смотрел ему вслед недвижным взглядом, учащенно дыша и замирая от ужаса. Две или три женщины тут же лишились чувств. Когда он отдалился, люди поосмелели и последовали за ним на почтительном расстоянии, взволнованно споря о том, что же именно произошло на пиру. Установивши кое-какие факты, они пересказывали их каждый

своим соседям, внося посильные добавления и варианты. В результате чаша с вином превратилась в бочку, а бутылка, вместив эту бочку, так и осталась пустой.

Когда астролог вышел на площадь, он направился прямо к жонглеру, который, расхаживая по рынку в своем пестром костюме, играл тремя медными шарами, попеременно взлетающими вверх. Астролог отобрал у жонглера шары и, обернувшись к подошедшей толпе, сказал:

вернуться

7

Согласно библейской легенде, когда войска фараона преследовали иудеев, ушедших из Египта, Черное море расступилось, чтобы беглецы могли пройти посуху, а потом, сомкнувшись, погубило армию фараона.

— Этот жалкий фигляр не знает своего ремесла. Сейчас вы увидите, как работает мастер!

Он подбросил один шар, другой, потом третий, и они закружились в воздухе, образовав изящно вытянутый сверху блестящий овал. Еще шар, еще и еще — никто не видел, откуда он брал их, еще, еще и еще — овал все выше и выше, движения рук все быстрее и быстрее, пальцев не различить, и вот в воздухе кружится целая сотня шаров, — как утверждали те, кто их посчитал. Сверкающий овал поднялся вверх на двадцать футов, это было изумительное, редкое зрелище. Сложив на груди руки, астролог велел шарам кружиться без его помощи — и они закружились сами. Потом он сказал:

— Ну, теперь хватит.

Овал рассыпался, медные шары упали на землю, покатались во все стороны. Люди отскакивали от них, боясь к ним притронуться. Астролог презрительно захохотал и стал поносить зрителей, называя их трусами и старыми бабами.

Оглядевшись по сторонам, он увидел протянутый через площадь канат и сказал, что всегда жалел простофилю, которые тратят деньги на грубых клоунов, профанирующих высокое искусство канатоходца. Сейчас он покажет им, что такое искусство. Одним прыжком астролог взлетел на канат и, прикрывши глаза ладонями, проскакал по нему на одной ноге до конца, а потом, вернувшись тем же путем, выполнил двадцать семь опаснейших сальто-мортале, сперва вперед и потом назад.

Толпа зашумела. Все знали, что астролог стар и нетверд на ногах, временами он даже прихрамывал. А сейчас это был ловкий, сильный старик, выполнявший свои кунштюки с чрезвычайным проворством. Закончив спектакль, он ловко спрыгнул на землю, зашагал прочь и вскоре, свернув за угол, вовсе исчез из виду. Тесно сгрудившись, бледные и безмолвные от волнения зрители перевели дух и воззрились один на другого, как бы спрашивая: «Да полно, было ли это? Ну а вы — вы это видели? Или мне снился сон?»

Потом послышался сдержанный говор. По двое, по трое люди брели домой. Они перешептывались, хватали друг друга за локоть, жестикулировали, — словом, вели себя так, как бывает при важных, особенных обстоятельствах.

Мы тоже шли следом за своими отцами, прислушиваясь к их разговору. Когда они сели за стол у нас дома, мы пристроились рядом. Отцы наши были в унынии и считали, что этот взрыв

колдовства принесет несчастье деревне. Мой отец напомнил другим, что отец Адольф был поражен немотой в тот самый момент, когда попытался заклясть ведьм.

— Ведь еще не было случая, чтобы они покусились на священнослужителя, — сказал он. — Я и сейчас не пойму, как они только осмелились. У него на груди висело распятие. Правильно я говорю?

— Конечно! — подтвердили собеседники. — Мы видели собственными глазами.

— Плохо дело, друзья, очень плохо. Бог хранил нас все это время. Но сейчас он оставил нас.

Слушатели задрожали как в лихорадке и повторили:

— Бог оставил нас. Он нас оставил.

— Увы, это так, — сказал отец Сеппи Вольмейера. — Нам суждено погибнуть.

— Когда люди поймут, что спасения нет, — сказал судья, отец Николауса, — отчаяние отнимет у них веру и волю. Подходят страшные времена.

Он глубоко вздохнул, а Вольмейер добавил уныло:

— По стране побежит слух, что на нашу деревню пал гнев господень, и никто не придет к нам больше. «Золотой олень» перестанет приносить мне доход.

— Да, сосед, — сказал мой отец, — все мы потеряем доброе имя, а иные лишатся и денег. Но будет еще страшнее, если нас,

— Что такое?

— Если нас это постигнет — тогда конец.

— Что? Что?

— Папское отлучение ! [8]

Собеседники замерли, словно сраженные громом. Казалось, они лишатся чувств от отчаяния. Но страх перед грозным бедствием словно вернул им силы, и они стали раздумывать, как его избежать. У каждого был собственный план спасения, и так тянулось до самого вечера. Убедившись, что выхода нет, они расстались с тяжелым сердцем, обуреваемые грустным предчувствием.

Пока гости прощались с моим отцом, я тихо выскользнул из дому и побежал к Маргет, — узнать, как там у них обстоят дела. Никто из прохожих на улице не ответил на мой поклон. В другое время я удивился бы, но не сейчас. Люди были так напуганы и расстроены, что их легко было счесть за помешанных. Бледные, с осунувшимися лицами, бродили они по деревне, словно лунатики, широко раскрыв невидящие глаза, беззвучно шепча губами и судорожно сжимая и разжимая свои кулаки.

В доме у Маргет царило отчаяние. Она и Вильгельм Мейдлинг сидели вдвоем в молчании, даже не взявшись за руки, как это было у них в обычае. Оба были мрачны, глаза у Маргет покраснели от слез. Она сказала:

— Я умоляла его покинуть нас и спасти свою жизнь. Я не хочу стать его убийцей. Наш дом

проклят, и всем, кто живет в нем, угрожает костер. Но он не хочет уйти. Он говорит, что умрет вместе с нами.

Вильгельм повторил, что никуда не уйдет. Раз Маргет грозит опасность, он будет здесь рядом с ней до конца. Маргет снова залилась слезами. Это было грустное зрелище, и я пожалел, что не остался дома. Раздался стук, вошел Сатана, красивый и полный сил, весь искрящийся веселостью, как молодое вино, и сразу переменял у нас настроение. Он ни словом не упомянул ни о том, что произошло за обедом, ни о страхах, терзавших деревню, а стал оживленно болтать о разных безделицах. А потом он перевел разговор на музыку. Это был ловкий ход, и Маргет, позабыв о всех горестях, тотчас оживилась и приняла участие в беседе. Ей еще не приходилось встречать никого, кто рассуждал бы о музыке с таким пониманием, и она была совершенно очарована собеседником. Маргет не умела скрывать свои чувства, личико ее просияло, и Вильгельм Мейдлинг почувствовал себя немного задетым. Сатана стал говорить о поэзии, отлично прочитал нам несколько стихотворений, и Маргет снова пришла в восторг. Мейдлинг опять почувствовал себя задетым, Маргет заметила перемену в его лице и упрекнула себя за легкомыслие.

Я заснул в этот вечер под славную музыку: капли дождя барабанили в ставни, вдалеке погромыхивал гром. Ночью пришел Сатана, разбудил меня и сказал:

— Вставай! Куда мы отправимся?

— С тобой — куда хочешь!

Меня ослепил солнечный свет. Сатана сказал:

— Мы в Китае.

Ничего подобного я не ждал и был счастлив и горд, что странствую в этих дальних краях. Так далеко никто из пашей Деревни не заезжал, даже сам Бартель Шперлинг, который воображает себя величайшим из путешественников. Больше получаса мы парили над Небесной империей и осмотрели ее от края до края. Это было удивительное зрелище, многое было прекрасно, но многое ужасало. Я мог бы порассказать... впрочем, я сделаю это после и тогда объясню, почему Сатана выбрал Китай для нашего путешествия. Сейчас это мне помешает. Насытившись зрелищем, мы прервали полет.

Мы сидели на вершине горы. Под нами расстилался огромный край. Горы, ущелья, долины, луга, реки нежились в солнечном сиянии; в отдалении синело море. Это был тихий, мирный пейзаж, радующий своей красотой и покоящий душу. Насколько легче было бы жить в этом мире, если бы мы могли, по желанию, вдруг, перенестись в такое блаженное место. Перемена — она гонит прочь усталость тела и духа, словно перекидываешь тяжесть забот с одного плеча на другое.

Мне пришла в голову мысль потолковать по душам с Сатаной, уговорить его стать лучше, добрее. Я напомнил ему о том, что он натворил, и просил его впредь не действовать столь опрометчиво; не губить людей зря. Я не винил его, только просил, чтобы он перед тем, как решиться на что-нибудь, помедлил и чуть поразмыслил. Ведь если он будет действовать не столь легкомысленно, не наобум, будет меньше несчастий. Сатана несколько не был задет моей прямоотой, но видно было, что я удивил и рассмешил его. Он сказал:

— Тебе кажется, что я действую наобум? Я никогда так не действую. Ты хочешь, чтобы я медлил и думал о том, к чему приведет мой поступок? Зачем? Я и так точно знаю, к чему он приведет.

— Почему же ты так поступаешь?

— Изволь, я отвечу тебе, а ты постарайся понять, если сумеешь... Ты и тебе подобные — неповторимые в своем роде создания. Каждый человек — это машина для страдания и для радостей. Два механизма соединены одной сложной системой и действуют на основе взаимной связи. Едва успеет первый механизм зарегистрировать радость, второй готовит вам боль, несчастье. У большинства людей жизнь строится так, что горя и радостей приходится поровну. Там, где такого равновесия нет, преобладает несчастье. Счастье — никогда. Встречаются люди, устроенные так, что вся их жизнь подчинена механизму страданий. Такой человек от рождения и до самой смерти совсем не ведает счастья. Все служит для него источником боли, что он ни делает, приносит ему страдание. Ты, наверно, видел таких людей? Жизнь для них — гибельный дар. Порой за единственный час наслаждения человек платит годами страдания — так он устроен. Или ты не знаешь об этом? Нужны примеры? Изволь, я тебе приведу. Что же до жителей вашей деревни, то они для меня попросту не существуют. Ты, наверно, это заметил?

вернуться

8

Папское отлучение (или интердикт) — наказание религиозной общины или даже целой страны в церковном католическом праве; интердикт предусматривает запрещение церковной службы и другие репрессии, наводящие страх на верующих.

Я не хотел быть с ним резким и ответил, что да, иногда мне так кажется.

— Так вот, повторяю: они для меня не существуют. И это вполне естественно. Разница между нами слишком обширна. Начать с того, что они лишены разума.

— Лишены разума?

— Даже подобия разума. Когда-нибудь я познакомлю тебя с тем, что человек зовет своим разумом, разберу по частям этот хлам, и ты увидишь, насколько я прав. У меня нет с людьми ничего общего, ни малейшей точки соприкосновения. Переживания людей пусты и ничтожны, таковы же и их претензии, их честолюбие. Вся их вздорная и нелепая жизнь — только вздох, смешок, пламя, гаснущее на ветру. Они вовсе лишены чувства, — пресловутое Нравственное чувство не в счет. Сейчас я поясню тебе мою мысль на примере. Видишь красного паучка, он не крупнее булавочной головки. Как ты думаешь, может ли слон питать к нему интерес, беспокоиться, счастлив этот паук или нет, богат или беден, любит ли паука невеста, здорова ли его матушка, пользуется ли он должным успехом в обществе, справится ли он со своими врагами, поддержат ли его в несчастье друзья, оправдаются ли его мечты о карьере, преуспеет ли он на политическом поприще, встретит ли он свой конец в лоне семьи или погибнет, презираемый всеми, в одиночестве, на чужбине? Слон никогда не сумеет проникнуться этими интересами, они для него не существуют, он не властен сузить себя до их жалких размеров. Человек для меня то же, что этот красный паук для слона. Слон ничего не имеет против него, он с трудом его различает. Я ничего не имею против людей. Слон равнодушен к красному пауку. Я равнодушен к людям. Слон не возьмет на себя труда вредить науку, — напротив, если приметит его, то, может статься, в чем-нибудь и поспособствует, разумеется, попутно со своими делами и между прочим. Я не раз помогал людям и никогда не стремился вредить им. Слон живет сто лет, красный паучок — один день. Разница между ними в физической силе, в умственной одаренности и в благородстве чувств может быть выражена разве только в астрономическом приближении. Добавлю, что расстояние между мной и людьми в этом, как и

в другом, неизмеримо шире, чем расстояние, отделяющее слона от красного паучка. Разум человека топорен. Уныло, с натугой он сопоставляет элементарные факты, чтобы сделать какой-то вывод — не станем уж говорить, каков этот вывод! Мой разум творит! Подумай, что это значит! Мой разум творит мгновенно, творит все, что ни пожелает, творит из ничего. Творит твердое тело, жидкость или же цвет — любое, что мне захочется, все, что я пожелаю — из пустоты, из того, что зовется движением мысли. Человек находит шелковое волокно, изобретает машину, прядущую нить, задумывает рисунок, трудится в течение многих недель, вышивая его шелковой нитью на ткани. Мне довольно представить себе это сразу, и вот гобелен предо мной, я сотворил его.

Я вызываю мысленно к жизни поэму, музыкальное произведение, партию в шахматы — все, что угодно, — вот я сотворил их! Мой разум — это разум бессмертного существа, для которого нет преград. Мой взор проникает всюду, я вижу во тьме, скала для меня прозрачна. Мне не нужно перелистывать книгу, я постигаю заключенное в ней содержание одним только взглядом, сквозь переплет; через миллионы лет я все еще буду помнить ее наизусть и знать, что на какой странице написано. Я вижу, что думает человек, птица, рыба, букашка; в природе нет ничего скрытого от меня. Я проникаю в мысли ученого и схватываю все то, что он накопил за семьдесят лет. Он может забыть это, и он позабудет, но я буду помнить вечно.

Сейчас я читаю твои мысли и вижу, что ты понял меня. Что же дальше? Допустим, в какой-то момент слону удалось разглядеть паучка, и он ему посочувствовал. Полюбить его слон не может: любить можно только тех, кто твоей же породы, равных. Любовь ангела возвышенна и божественна — человек не в силах даже отдаленно представить ее себе. Ангел может любить ангела. Человек, на которого падет любовь ангела, будет испепелен. Мы не питаем любви к людям, мы снисходительно равнодушны к ним, иной раз случается так, что они вызывают нашу симпатию. Ты мне нравишься, ты и твои друзья, мне нравится отец Питер. Ради вас я покровительствую жителям вашей деревни.

Он заметил, что я принял его последние слова за насмешку, и решил пояснить их.

— Я приношу добро жителям вашей деревни, хотя с первого взгляда может казаться, что я им врежу. Люди не различают, что идет им на пользу и что — во вред. Они не разбираются в этом потому, что не знают будущего. То, что я делаю для жителей вашей деревни, даст в свое время плоды; иные из этих плодов вы вкусите сами, иные предназначены для будущих поколений. Никто никогда не узнает, что я изменил течение жизни этих людей, но это именно так. Есть игра, ты не раз играл в нее со своими друзьями. Вы ставите кирпичи близко один от другого. Вы толкаете первый кирпич, он падает, валит соседний, тот сбивает еще один и так далее, и так далее, пока все кирпичи не лежат на земле. Такова и жизнь человеческая. В младенчестве человек толкает первый кирпич. Дальнейшее следует с железной неотвратимостью. Если бы ты читал будущее, как читаю его я, то увидел бы, как и я, все, что случится далее. Порядок человеческой жизни предопределяется первым толчком. Никаких неожиданностей в ней нет и не будет, потому что каждый новый толчок зависит от предыдущего. Тот, кому доступно подобное видение, прозревает весь ход человеческой жизни от колыбели до самой могилы.

— Разве бог не управляет человеческой жизнью?

— Нет, она предопределена обстоятельствами и средой. Первый поступок влечет за собой второй и так далее. Представим себе на минуту, что из чьей-то жизни выпал один из таких неизбежных поступков, самый пустячный. Человек должен был в обусловленный день, в обусловленный час, в обусловленную минуту и даже секунду, — может быть, речь идет о доле секунды, — пойти за водой к колодцу, но он не пошел. Тогда начиная с этой секунды его жизнь должна коренным образом перемениться. До самой его кончины она потечет теперь не по тому

руслу, которое предречено его первым поступком, но по другому. Если бы он пошел тогда за водой, это, быть может, привело бы его к королевскому трону. Он не пошел — и вот его ждут бедствия и нищета. Возьмем для примера Колумба. Стоило, скажем, ему в детские годы утратить крохотное, ничтожное звеньишко в цепи своих поступков, начатых и обусловленных первым его поступком, и вся его жизнь сложилась бы по-иному. Он стал бы священником в итальянской деревне, умер бы в неизвестности, и открытие Америки было бы тем отсрочено на сто или двести лет. Я знаю это наверное. Не сверши Колумб хоть единого из миллиарда положенных ему в его жизни поступков, и судьба его переменялась бы. Я рассмотрел миллиард жизненных линий Колумба, и только в одной из них значится открытие Америки. Люди не понимают, что любой их поступок, крупный или ничтожный, одинаково важен в их жизни. Словить муху, которую вам словить предназначено, не менее важно для вашей дальнейшей судьбы, чем, скажем...

— Чем покорить царство?

— Да, именно так. Конечно, практически человеку не дано уйти от поступка, который ему предназначен; этого никогда не бывает. Когда человеку кажется, будто он принимает решение, как ему поступить, так ли, иначе, то колебания эти входят звеном в ту же цепь, и решение его обусловлено. Человек не может порвать свою цепь. Это исключено. Скажу тебе больше, — если он и задастся подобным намерением, то и оно будет звеном той же цепи; знай, что оно с неизбежностью зародилось у него в определенный момент, относящийся еще к его младенческим годам.

Я был подавлен картиной, которую набросал передо мной Сатана.

— Человек осужден на пожизненное заключение, — сказал я грустно, — и не может вырваться из тюрьмы.

— Да, он не в силах уйти от первого же поступка, совершенного им в младенчестве. Но я властен освободить его.

Я поглядел на Сатану вопросительно.

— Я уже изменил судьбу нескольких жителей вашей деревни.

Я решил было поблагодарить Сатану, но потом подумал, что благодарить пока не за что, и промолчал.

— Я хочу переменить еще несколько судеб. Ты знаешь маленькую Лизу Брандт?

— Конечно, все ее знают. Моя мама всегда говорит, что такой красивой и ласковой девочки еще не рождалось на свет. Она говорит, что Лиза, когда подрастет, станет гордостью нашей деревни и все будут так же любить ее, как и сейчас.

— Я изменю судьбу этой девочки.

— Сделаешь Лизу еще счастливее?

— Да. Я переменю также судьбу Николауса.

Тут я обрадовался по-настоящему и сказал:

— За него-то просить не надо. Для Николауса ты постарайся.

— Разумеется.

Фантазия у меня заработала, и я стал рисовать себе будущий путь Ника: вот он генерал и гофмейстер двора. Тут я заметил, что Сатана молча ждет, когда я закончу свои мечтания, и мне стало неловко, что он прочитал мои наивные мысли. Я ждал насмешек, но он продолжал свою речь:

— Нику суждено прожить шестьдесят два года.

— Отлично! — сказал я.

— Лизе — тридцать шесть. Но, как я уже сказал, я решил изменить линию их жизни. Через две минуты и пятнадцать секунд Николаус проснется и услышит, что дождь хлещет в окно. По прежнему плану жизни он должен был повернуться и снова уснуть. Но я наставлю его встать и закрыть окно. Это пустячное изменение переменит всю его жизнь. Он утром проснется двумя минутами позже, чем следовало, и ничто из того, что должно было с ним случиться, уже не произойдет.

Сатана вынул часы, поглядел на них и сказал:

— Николаус встал с постели и затворил окно. Прежний ход его жизни прервался, начался новый. Это не останется без важных последствий.

Слова Сатаны звучали таинственно, по спине у меня побежали мурашки.

— То, что случилось сейчас, переменит события, которым назначено было случиться через двенадцать дней. Николаусу было назначено спасти Лизу. Он прибежал бы к реке к четырем минутам одиннадцатого — секунда в секунду, — и тогда он легко бы вытащил девочку из воды, плыть ему было бы близко. Но теперь он на несколько минут опоздает. Лизу унесет течением на глубокое место, и, несмотря на все усилия Николауса, оба они утонут.

— Сатана, дорогой Сатана! — вскричал я, заливаясь слезами. — Спаси их! Не надо этого! Я не перенесу смерти Ника. Он мой любимый товарищ, мой друг. Что станет с матерью Лизы?

Прильнув к нему, я молил его, но Сатана остался спокойным. Он усадил меня на прежнее место и попросил выслушать его до конца.

— Я нарушил ход жизни Николауса, и этим нарушил ход жизни Лизы. Если бы я не вмешался, Николаус спас бы ее, но захворал бы от купания в холодной воде. Простуда перешла бы в одну из тех страшных горячек, которым подвержен ваш род, и последствия были бы ужасны. Николаус лежал бы сорок шесть лет, не вставая с постели, без движения, без слуха, без речи, с одной лишь мечтой — умереть. Хочешь ты, чтобы я отменил то, что свершилось?

— Нет, нет, ни за что! Пожалей его! Пусть будет так, как ты сделал!

— Ты прав. Лучше, чем я сейчас сделал, сделать нельзя. Я перебрал миллиард жизненных линий для Николауса, но все они были ужасны, полны несчастий и горя. Если бы я не вмешался, он спас бы, конечно, Лизу, потратил бы на это не более шести минут и получил бы в награду за свой геройский поступок сорок шесть лет мук и страданий. Когда я тебе говорил, что поступок, который приносит час радости и довольства собой, нередко вознаграждается годами страданий, я думал о Николаусе.

Мысленно я задал вопрос, от каких же бед должна спасти Лизу столь ранняя смерть?

Сатана тут же ответил:

— Ей предстояло мучиться десять лет, медленно оправляясь от случайно полученного увечья. После чего ее ждали девятнадцать лет позорной, грязной преступной жизни и смерть от руки палача. Через двенадцать дней ее больше не будет. Ее мать отдала бы, я думаю, все на свете, чтобы спасти свою Лизу. Разве я не добрей ее матери?

— О да! И добрей и мудрей.

— Приближается суд над отцом Питером. Он будет оправдан. Суд получит твердые доказательства его невиновности.

— Но каким же образом? Ты в этом уверен?

— Я знаю наверняка. Его доброе имя будет опять восстановлено, и остаток жизни он проживет счастливо.

— Ты прав. Если его доброе имя будет опять восстановлено, он будет, конечно, счастлив.

— Он будет счастлив, но по другой причине. Как только суд вынесет ему оправдательный приговор, я переменю линию его жизни, и ради его же блага. Он никогда не узнает, что его доброе имя опять восстановлено.

Я робко подумал, что хорошо бы поточнее узнать, что именно произойдет с отцом Питером, но Сатана не обратил на мои мысли никакого внимания. Потом я подумал об астрологе. Он-то куда же девался?

— Я отправил его на Луну, — ответил Сатана, как-то странно посмеиваясь. — На неосвещенную сторону Луны. Он никак не может понять, куда он попал, и ему там не так уже весело, но я считаю, что лучшего места для наблюдения за звездами не найти. Скоро он мне понадобится. Тогда я доставлю его назад и еще раз в него воплощусь. У астролога впереди долгая жизнь, исполненная преступлений и мерзостей. Но я не питаю к нему зла и даже готов услужить ему. Пожалуй, я переменю линию его жизни, и его сожгут на костре.

У Сатаны были самые странные представления о том, как оказать человеку услугу. Но он ведь был ангел, разве ангелу что-нибудь растолкуешь! Ангелы ничем не похожи на нас и ни во что нас не ставят. Мы кажемся им чужаками. И к чему Сатана закинул астролога в такую дальнюю даль? С тем же успехом он мог держать его под рукой где-нибудь тут, в Германии.

— В такую дальнюю даль? — спросил Сатана. — Для меня дали не существует, для меня все одинаково близко. Солнце от нас на расстоянии около ста миллионов миль, и свет, освещающий землю, дошел к нам оттуда за восемь минут. Я же могу пройти этот путь, да и более длинный, за столь малую долю времени, что его не уследишь на часах. Мне довольно подумать, и мой полет совершен.

Я протянул к нему руку.

— Свет падает мне на ладонь, пусть он станет стаканом вина.

Мое желание исполнилось. Я осушил стакан.

— Разбей его, — приказал он.

Я разбил стакан.

— Ты видишь — он из стекла. Жители вашей деревни боялись дотронуться до медных шаров, думали, что они колдовские и исчезнут как дым. Какие же странные вы существа — род человеческий. Впрочем, довольно об этом. Я тороплюсь. Давай-ка уложим тебя снова в постель.

Я лежал у себя в постели. Сатана исчез. Потом я услышал голос, доносившийся откуда-то из тьмы, сквозь грохот дождя.

— Можешь сказать это Сеппи, но никому больше.

Он ответил на то, о чем я подумал.

ГЛАВА VIII

Я лежал без сна. Мысли мои были теперь не о том, что я побывал на краю света, в Китае, и вправе посмеиваться над Бартемом Шперлингом, который, один-единственный раз съездив в Вену, возомнил себя путешественником и смотрел свысока на всех остальных эзельдорфских мальчишек, не повидавших, подобно ему, широкого мира. В другое время подобная мысль, быть может, и лишила бы меня сна, но сейчас она меня несколько не занимала. Я думал о Николаусе. Все мои помыслы были о нем. Я вспоминал, сколько беззаботных деньков провели мы с ним вместе, как мы играли и резвились в лесу, в полях, у реки в долгие летние дни, как бегали на коньках и катались на санках зимой, убежав с уроков. И вот он должен проститься со своей молодой жизнью. Снова наступит лето, снова придет зима, мы, как и прежде, будем бродить по лесу, затевать игры, а Николауса больше не будет с нами, Николауса мы не увидим. Завтра я его встречу, он ничего не знает, он такой, как всегда, а мне уже тяжело будет слышать, как он смеется, глядеть, как он веселится, дурачится, потому что он для меня уже мертвец в саване, с восковыми пальцами и остекленевшим взором. Пройдет день, он по-прежнему ни о чем не будет подозревать, потом другой день и третий, эта ничтожная горстка дней тает и тает, а страшный конец неуклонно близится, словно поступь судьбы. И никто не будет об этом знать — только Сеппи да я. Двенадцать дней, только двенадцать дней! Подумать — и то страшно. Я заметил, что даже мысленно называю его не так, как обычно — Ник или Ники, а уважительно — Николаус, как принято называть умерших. Одну за другой я вспомнил все ссоры, какие были у нас с ним за долгие годы дружбы, и убедился, что почти что всегда я был неправ; я обижал его. Было горько думать об этом, и сердце мое терзалось раскаянием, как бывает, когда вспоминаешь, что был нехорош с человеком, которого уже нет, и уже нельзя никакими силами хоть на минуту вернуть его к жизни и, встав на колени, взмолиться: «Сжался, прости меня!»

Однажды — мы были тогда девятилетними мальчуганами — торговец фруктами послал Николауса по какому-то делу почти что за две мили от нашей деревни и дал ему в награду большое вкусное яблоко. Я встретил Инка, когда он шел домой с этим яблоком, сам не свой от изумления и радости. Я попросил у него яблоко будто бы так, поглядеть, и он, не подозревая коварства, отдал мне его. Я побежал, обгрызая яблоко на ходу, а Николаус за мной, умоляя: «Отдай же, отдай!» Когда он догнал меня, я сунул ему огрызок и стал смеяться над ним. Он отвернулся и пробормотал сквозь слезы, что хотел отнести яблоко младшей сестренке. Я понял, что поступил очень дурно: сестренка его выздоравливала после долгой болезни, и ему, конечно, хотелось сделать ей приятный сюрприз и насладиться ее радостью. Но я стыдился признать, что поступил дурно, и, вместо того чтобы попросить прощения у Николауса, я сказал ему что-то обидное, грубое, хотел показать свое молодечество. Николаус ничего не ответил, но,

когда он повернул к дому, я увидел по выражению его лица, как мучительно он страдает. Много раз по ночам вставало передо мной это страдальческое лицо, и я испытывал стыд и раскаяние. Постепенно воспоминание слабело, потом исчезло совсем, но сейчас оно снова владело мной и терзало меня.

Другой раз, это было уже в школе и нам было по одиннадцати лет, я опрокинул чернильницу и залил четыре тетради. Мне грозила порка. Но я ловко свалил все на Николауса, и суровое наказание досталось ему.

И, наконец, совсем недавно, в прошлом году, я обманул его, когда мы менялись крючками для удочки. Я всучил ему крупный крючок с надломом, а взял три поменьше, маленьких, совсем еще новых. Крючок у него сломался в первый же раз, как он вытащил рыбу, но он не подозревал, что я обманул его, и, когда я хотел со стыда вернуть ему один из его крючков, он не захотел его брать и сказал:

— Мена есть мена. Кто же тут виноват, если крючок сломался?

Да, сон не шел. Воспоминание об этих трех мелких подлостях не покидало меня, и думать о них было много больнее, чем обычно, когда речь идет о живых людях. Николаус был еще жив, но для меня он был мертвым. Ветер стонал в деревянных ставнях, дождь барабанил в стекла.

Утром я нашел Сеппи и рассказал ему обо всем. Мы стояли на берегу реки. Сеппи сильно переменялся в лице, губы его дрогнули, но он ничего не сказал; мои слова словно оглушили его. Так он стоял и молчал, потом слезы брызнули у него из глаз, и он отвернулся. Я взял его крепко под руку, и мы пошли вместе, думая об одном и том же, не говоря ни слова. Пройдя мост, мы спустились в долину, потом поднялись на лесистый холм, и только там обрели дар речи. Мы говорили о Николаусе и вспоминали всю нашу дружбу. Сеппи не переставая твердил, словно говоря сам с собой:

— Двенадцать дней! Меньше двенадцати дней!

Мы решили, что все оставшееся время будем проводить с Николаусом. Мы должны насладиться его дружбой, каждый час был на счету. Но сейчас у нас не хватало духу пойти к нему. Нам было жутко, ведь это — почти все равно, что увидеть мертвого. Сказать это вслух мы не решались, но думали именно так. Поэтому мы оба вздрогнули, когда за поворотом дороги столкнулись лицом к лицу с Николаусом. Он весело крикнул:

— Ну-ну! Что это у вас такие кислые лица? Уж не повстречали ли вы привидение?

Мы не могли вымолвить ни слова в ответ, но, к счастью, этого и не требовалось. Николаус был готов говорить за троих. Он только что виделся с Сатаной и все еще ликовал после беседы с ним. Сатана рассказал ему о нашем полете в Китай. Николаус попросил взять и его в какое-нибудь путешествие, и Сатана обещал ему, сказал, что возьмет его в далекое путешествие, увлекательное и прекрасное. Николаус просил его, чтобы он и нас двоих взял, но Сатана сказал, что сейчас невозможно; а придет наше время, отправимся и мы путешествовать. Сатана обещал прийти за ним точно тринадцатого числа, и Николаус с нетерпением считал оставшиеся часы. Тринадцатое было то самое роковое число, и мы тоже считали оставшиеся часы. Мы прошагали в тот день втроем не одну милю, выбирая излюбленные тропинки, знакомые нам еще с детства, и все время напоминая друг другу то один, то другой интересный случай из нашей дружбы. Веселился, впрочем, один Николаус; мы с Сеппи ни на минуту не могли позабыть мучившую нас страшную тайну. Мы старались обходиться с нашим другом как можно внимательнее и бережнее, старались показать ему, как мы любим его, и ему это было

очень приятно. Мы все время старались оказать ему какую-нибудь услугу, хоть маленькое одолжение, и это тоже его радовало. Я отдал ему семь рыболовных крючков, все мое достояние, и уговорил его принять их в подарок, а Сеппи подарил ему новенький перочинный нож и желто-красный волчок. (Сеппи признался мне после, что недавно надул Николауса при обмене и теперь хотел чем-нибудь искупить вину, хоть Николаус и не помнил зла.) Сейчас он наслаждался нашим вниманием и был счастлив, что у него такие друзья. Его нежность к нам и его благодарность заставляли страдать нас, мы чувствовали себя недостойными его дружбы. Расставаясь с нами, Николаус сиял от восторга и говорил, что еще никогда в жизни не был так счастлив.

По дороге домой Сеппи сказал мне:

— Мы всегда любили Николауса, но разве мы дорожили им так, как сейчас, когда теряем его?

На другой и на третий день мы старались проводить все свободное время с Николаусом. Чтобы побольше побыть вместе, мы трое всеми правдами и неправдами увиливали от наших домашних обязанностей. Наши родители бранили нас и грозились, что нас накажут. Просыпаясь каждое утро, мы с Сеппи дрожали от ужаса и твердили: «Осталось всего десять дней. Всего девять дней. Восемь дней. Семь». Дни бежали один за другим, а Николаус был беспечен и весел и не мог понять, почему мы грустим.

Он пускался на всевозможные выдумки, чтобы развлечь нас, но большого успеха он не имел. Наша веселость была принужденной, наш смех замирал, словно что-то глушило его изнутри, и переходил в печальные вздохи. Тогда он стал расспрашивать нас, почему мы грустны, говорил, что хотел бы помочь нам или хотя бы облегчить наше горе своим участием, и нам приходилось лгать, чтобы успокоить его.

А больше всего нас ужасало, когда Николаус назначал что-нибудь вперед, часто преступая в своих планах роковое тринадцатое число. Всякий раз при этом мы внутренне содрогались. Он не терял надежды развлечь нас и вывести из уныния, и наконец, когда ему оставалось жить только три дня, он сказал нам смеясь, что придумал отличную штуку. На четырнадцатое он назначает пикник и танцы для девочек и мальчишек всей нашей деревни на том самом месте в лесу, где мы повстречали в первый раз Сатану. Мы слушали нашего друга в отчаянии. Ведь четырнадцатого его должны хоронить! Сказать, что мы не согласны, было нельзя. Он, конечно, захочет узнать, почему мы не согласны, а мы ничего не сумеем ответить. Он попросил нас помочь ему известить всех гостей, и мы согласились — разве можно отказать в чем-нибудь умирающему товарищу! Но это было ужасно, ведь мы приглашали гостей на его похороны!

Какими страшными были эти одиннадцать дней! Но сейчас, когда меня отделяет от них целая жизнь, я вспоминаю то время с благодарностью и умилением. Ведь это были дни близости с ушедшим от нас другом, и с той поры я уже никогда не знал дружбы, которая была бы такой тесной и нежной. Мы считали каждый час и минуту ускользающего от нас времени и цеплялись за них с той страстью отчаяния, какую испытывает скупец, когда разбойники расхищают дукат за дукатом его богатство, а он не в силах им помешать.

В последний вечер мы задержались дольше обыкновенного. Вина была наша, мы медлили расстаться с Николаусом, и когда наконец простились с ним у дверей его дома, час был уже поздний. Мы помешкали чуть у двери, когда он ушел, и услышали то, чего опасались. Отец Николауса, уже не раз грозивший ему наказанием, жестоко побил его, и мы услышали, как Николаус заплакал. Мы пошли домой с печалью в душе, сокрушаясь, что это случилось по нашей вине. Мы жалели не только Николауса, жалели и его отца. Мы думали: «Если бы он знал... если бы он только знал...»

Утром Николаус не пришел на наше обычное место, и мы поспешили к нему, чтобы узнать почему.

Его мать сказала:

— Отец потерял терпение, говорит, что хватит с него. Когда Ники ни кликнешь, его нет дома, а потом выясняется, что он где-то гуляет с вами вместе. Вчера вечером отец отлупил его. Я жалею Ники и много раз спасала его от порки, но на этот раз промолчала, потому что сама на него тоже сердилась.

— Ах, если бы вы заступились за Ники! — сказал я дрожащим голосом. — Может быть, это послужило бы вам утешением.

Мать Николауса гладила белье утюгом и стояла спиной к нам. Тотчас она обернулась с удивленным и обеспокоенным видом:

— Что это ты говоришь?

Я был застигнут врасплох. Она продолжала глядеть на меня в упор, а я все не знал, как объяснить ей мои слова. Мне на выручку пришел находчивый Сеппи:

— Конечно, вам будет приятно вспомнить об этом. Вчера как раз Николаус рассказывал нам, как вы всегда за него заступаетесь, — вот мы и позадержались. Он говорил, что отцу никогда не удастся его отлупить, пока вы стоите рядом. Он так интересно об этом рассказывал, а мы с таким вниманием слушали, что совсем позабыли про поздний час.

— Значит, он вам об этом рассказывал, правда? — спросила она, вытирая глаза уголком фартука.

— Спросите хоть Теодора, он вам подтвердит.

— Мой Ники хороший, добрый мальчик, — сказала она. — Ах, зачем я дала отцу высечь его. Никогда не позволю больше. Подумать только, я-то сержусь и браню его, а он весь вечер расхваливает меня перед своими друзьями. Боже мой, если бы знать все заранее! Тогда мы не ошибались бы так, а то бродим впотьмах и спотыкаемся, словно скоты неразумные. Теперь я уже никогда не смогу вспоминать этот вечер без сердечной боли.

Она была точно такая же, как и все остальные. В эти несчастные дни, казалось, никто не мог рта раскрыть, чтобы не выпалить что-нибудь, от чего нас охватывал трепет. Да они все «бродили впотьмах» и не понимали к тому же, какие грустные истины они изрекали.

Сеппи спросил, нельзя ли Николаусу пойти погулять с нами.

— К сожалению, нет, — отвечала она. — Отец велел подержать его взаперти, чтобы он сильнее почувствовал, что наказан.

Мы переглянулись. Это был шанс на спасение. Если Николауса не выпустят из дому, он не утонет. Для верности Сеппи спросил:

— Он просидит взаперти только утро, сударыня, или весь день до вечера?

— Весь день... По правде сказать, обидно, погода такая хорошая. И ему непривычно сидеть взаперти. Но он там готовится к пикнику, и это его развлечет. Надеюсь, что он не очень будет

скучать.

Что-то в ее лице придало Сеппи храбрости, и он спросил, нельзя ли нам подняться наверх к Николаусу и составить ему компанию.

— Вот и молодцы! — сказала она сердечно. — Вы настоящие друзья, если готовы отказаться ради него от веселой прогулки. Хоть иной раз я вас и браню, мальчики, но сердце у вас доброе. Возьмите по пирожку, а этот отдайте Ники, скажите: мама послала.

Первое, что бросилось нам в глаза, когда мы вошли в комнату Николауса, были настенные часы. Они показывали без четверти десять. Возможно ли, что ему оставалось так мало жить? Сердце у меня сжалось. Николаус подпрыгнул от радости и кинулся обнимать нас. Он не скучал, готовился к пикнику и был отлично настроен.

— Садитесь, — сказал он, — я вам кое-что покажу. Я смастерил змея, вы просто ахнете. Он сушится у мамы на кухне. Сейчас притащу.

На столе у него были расставлены всякие заманчивые вещички. Это были призы, которые Николаус приготовил для пикника. На покупку их он потратил все, что сберег в копилке. Уходя, он сказал:

— Вот, полюбуйтесь, а я схожу вниз. Хочу попросить маму прогладить змея, чтобы он поскорее высох.

Он выскочил и, насвистывая, побежал вниз по лестнице.

Мы не стали любоваться призами. Нас ничто не занимало сейчас, кроме стрелок на циферблате. Молча мы вслушивались в ход настенных часов, и каждый раз, как минутная стрелка передвигалась на деление вперед, мы согласно кивали: миновала еще минута в состязании жизни со смертью. Глубоко вздохнув, Сеппи сказал:

— До десяти — две минуты. Через семь минут, Теодор, смерть останется позади. Он будет спасен. Он...

— Тсс! Я как на иголках. Гляди и молчи.

Прошло пять минут. Мы задыхались от волнения и страха.

Еще три минуты. На лестнице слышались чьи-то шаги.

— Он спасен!

Мы вскочили и ринулись к двери.

Вошла мать Николауса со змеем в руках.

— Вот это так змей! — сказала она. — А сколько он потрудился над ним! Начал еще на рассвете, а кончил перед вашим приходом.

Она прислонила змея к стене и чуточку отступила, чтобы лучше его рассмотреть.

— Ники сам его расписал, и я бы сказала — на славу. Церковь, правда, не очень похожа, но взгляните на мост, каждый скажет, что это наш мост. Он велел принести змея сюда. Боже мой, семь минут одиннадцатого, а я-то здесь с вами!

— Где он?

— Сейчас вернется. Выбежал на минутку.

— Выбежал на минутку?!

— Да. К нам зашла мать маленькой Лизы и говорит, что ее дочурка куда-то пропала и она сильно волнуется. Я и говорю Николаусу: «Хоть отец и запретил тебе выходить из дому, сбегай поищи Лизу...» Да что это с вами, почему вы такие бледные? Вы оба больны, наверно. Сядьте, я сейчас принесу вам лекарство. Это от пирожков. Тесто было тяжеловато, но я думала, что...

Она исчезла, не кончив фразы, а мы ринулись оба к окну, которое выходило на реку. На дальнем конце моста стояла толпа, народ сбежался со всех сторон.

— Все кончено! Бедный наш Николаус! Ах, зачем она выпустила его из дому!

— Уйдем, — сказал Сеппи, подавляя рыдания. — Скорее уйдем, я не в силах видеть ее. Сейчас она все узнает.

Но уйти нам не удалось. Когда мы сбежали с лестницы, мать Николауса встретила нас с пузырьком в руках и заставила сесть и принять лекарство. Потом захотела проверить, помогли ли нам ее капли. Убедившись, что с нами все то же, она запретила нам уходить, а сама все бранила себя, что угостила нас пирожками.

Наконец настал миг, которого мы боялись. За дверью послышался шум и топот, и люди с обнаженными головами торжественно внесли в дом и положили на кровать два бесчувственных тела.

— О господи! — вскричала несчастная мать. Упав на колени, она обняла своего мертвого сына и стала осыпать его поцелуями. — Это я... Я виновата во всем, я погубила его! Если бы я не сняла запрет и не выпустила его, с ним бы этого не случилось. Я наказана по заслугам, я жестоко поступила вчера, когда он просил меня, свою мать, за него заступиться.

Она рыдала и причитала, и все женщины тоже рыдали, жалея ее и старались ее утешить, но она не слушала утешений и только твердила, что никогда не простит себе этого, что, если бы Николаус остался дома, он был бы жив и здоров, что она погубила его.

Все это показывает, как неразумны люди, когда упрекают себя за что-либо, что они совершили. Сатана нам сказал, что в жизни каждого человека не случается ничего, что не было бы обусловлено самым первым его поступком; и что человек не в силах нарушить предусмотренный ход своей жизни или повлиять на него.

Но вот раздался пронзительный вопль. Неистово расталкивая толпу, в дом вбежала фрау Брандт, простоволосая, полуодетая и, бросившись к своей мертвой дочери, стала осыпать ее ласками и поцелуями, стелая и бормоча несвязные речи. Истошив свое отчаяние до конца, она поднялась; на ее залитом слезами лице вспыхнуло ожесточенное и гневное выражение. Грозя небу сжатыми кулаками, она сказала:

— Скоро две недели, как меня мучают сны и предчувствия. Я знала, ты хочешь отнять у меня самое дорогое. Ночи и дни, дни и ночи я пресмыкалась перед тобой, молила тебя пожалеть невинное дитяtko. И вот твой ответ на мои мольбы!

Она ведь не знала, что девочка спасена, она не знала об этом.

Фрау Брандт осушила глаза, отерла слезы с лица и стояла как вкопанная, продолжая ласкать щечки и локоны девочки и не сводя с нее взора. Потом сказала все так же горестно:

— В его жестоком сердце нет сострадания. С сегодняшнего дня я не молюсь больше богу.

Она взяла на руки свою мертвую девочку и пошла прочь. Толпа шарахнулась в стороны, чтобы пропустить ее. Все были напуганы тем, что она сказала.

Бедная женщина! Сатана прав, мы не знаем, где счастье и где несчастье, и не умеем отличать одно от другого. Не раз с той поры мне приходилось слышать, как люди молили бога сохранить жизнь умирающему. Я не делаю этого никогда.

Утопленников отпевали на другой день в нашей маленькой церкви. На панихиду собралась вся деревня, в том числе и те, кто был приглашен на пикник. Пришел и Сатана, и это было вполне естественно: ведь если бы не он, не было бы и панихиды. Николаус умер без покаяния, и пришлось объявить сбор пожертвований на заупокойные службы, чтобы выручить его из чистилища. Удалось собрать лишь две трети потребных денег, и родители Николауса уже решили обратиться к ростовщику, когда подошел Сатана и внес последнюю треть. Он по секрету сказал нам, что никакого чистилища не существует и что он дает эти деньги лишь для того, чтобы родители Николауса и их друзья не горевали и не расстраивались. Мы восхитились его поступком, но он возразил нам, что деньги ничто для него.

На кладбище плотник, которому фрау Брандт уже год была должна пятьдесят зильбергрошей, отобрал у нее гроб с мертвой дочерью вместо залога. Фрау Брандт не платила долга потому, что ей нечем было платить и сейчас у нее тоже не было денег. Плотник унес гроб домой и четверо суток держал у себя в погребе. Мать сидела все это время у порога его дома и просила пожалеть ее. Наконец он зарыл гроб без церковных обрядов на скотном дворе у своего брата. Лизина мать почти помешалась от стыда и от горя. Она забросила дом и хозяйство и бродила по городу, проклиная плотника и кощунственно понося законы империи и святой церкви. На нее было жалко смотреть. Сеппи просил Сатану, чтобы он вмешался, но Сатана возразил, что плотник и все прочие — люди и поступают в точности так, как подобает этому классу животных. Если бы так поступала лошадь, он непременно вмешался бы. В случае, если какая-нибудь лошадь позволит себе подобный людской поступок, он просит тотчас сообщить ему, чтобы он мог вмешаться. Это, конечно, было насмешкой с его стороны. Где же отыщешь такую лошадь?

Через несколько дней мы почувствовали, что не можем больше терпеть отчаяния фрау Брандт, и решили просить Сатану, чтобы он рассмотрел другие линии ее жизни и выбрал какую-нибудь менее жестокую. Он сказал, что самая продолжительная линия ее жизни тянется еще сорок два года, а самая короткая — около тридцати лет, но что обе они полны горя, страданий, болезней и нищеты. Единственно, что он еще может сделать, это задержать ход ее жизни на три минуты и переменить тем ее направление. Если мы согласимся, то он готов. Решать надо немедленно. Нас с Сеппи раздирали сомнения и нерешительность. Мы не успели еще расспросить Сатану о подробностях, как он сказал, что больше нельзя ждать, да или нет, — и мы крикнули:

— Да!

— Все! — сказал он. — Она должна была сейчас повернуть за угол. Я задержал ее. Это переменит ее жизненный путь.

— Что же с ней теперь станется?

— То, что должно с ней случиться, уже происходит. Вот она встретила ткача Фишера и повздорила с ним. Теперь тот обозлился и задумал ей отомстить (он не решился бы, если бы не эта последняя ссора). Фишер ведь был при том, когда фрау Брандт произнесла свои кощунственные слова над телом умершей дочери.

— Что же он теперь сделает?

— Он уже сделал. Донес на нее. Через три дня ее сожгут на костре.

Мы оледенели от ужаса. Язык не повиновался нам. Мы навлекли на фрау Брандт эту страшную кару, вмешавшись в ее жизнь! Сатана прочел наши мысли и сказал:

— Вы рассуждаете, как свойственно людям, — иными словами, бессмысленно. Я осчастливил эту бедную женщину. Ей все равно суждено было быть в раю. Теперь срок ее блаженства в раю увеличится и на столько же лет сократятся ее страдания в этой земной жизни.

Недавно мы с Сеппи решили никогда не просить Сатану помогать нашим друзьям: ведь он полагает, что оказывает человеку услугу, убивая его! Но сейчас, прослушав его разъяснение, мы стали думать иначе. И даже были довольны своим поступком, гордились им.

Немного погодя я вспомнил о Фишере и робко спросил Сатану:

— А как будет с Фишером? То, что он сделал, тоже изменит линию его жизни?

— Конечно, коренным образом. Если бы он не встретился с фрау Брандт, так умер бы очень скоро, тридцати четырех лет от роду. А теперь проживет девяносто лет, будет богат и вообще, по вашим понятиям, счастлив.

Мы снова обрадовались, мы возгордились, что осчастливили Фишера и ожидали, что Сатана тоже будет доволен. Однако он оставался холоден. Мы с беспокойством ждали, что он нам скажет, но он молчал. Тогда, снедаемые тревогой, мы спросили его, нет ли какой-нибудь тени в счастливой судьбе Фишера. Сатана задумался, потом ответил:

— Видите ли, это сложный вопрос. Если бы все осталось по-старому, Фишер попал бы в рай.

Мы с Сеппи остолбенели.

— А сейчас?

— Не будьте в таком отчаянии. Ведь вы не хотели ему зла. Пусть это утешит вас.

— Боже мой! Как это может утешить нас? Ты должен был предупредить нас заранее.

Наши слова не оказали на Сатану ни малейшего действия. Он не способен был почувствовать боль или страдание, не мог даже толком понять, что это такое. Он рисовал их себе отвлеченно, рассудком. А так не годится. Пока не хлебнешь горя сам, ты будешь всегда судить о чужом горе приблизительно и неверно. Напрасно мы старались ему разъяснить, как ужасно то, что случилось, и как дурно мы поступили, причинив Фишеру это зло. Он отвечал, что не видит особенной разницы, попадет Фишер в рай или в ад, что в раю по нем плакать не будут, там таких Фишеров сколько угодно. Мы старались втолковать Сатане, что он не должен брать на себя решение подобных вопросов, что Фишер сам вправе судить, что для него лучше и что хуже. Но наши уговоры пропали впустую. Сатана отвечал, что не станет заботиться о всех Фишерах в мире...

В эту минуту на другом конце улицы показался Фишер. Я едва устоял на ногах, только представив, какая его ждет судьба по нашей вине. А Фишер и думать не думал, что с ним приключилось худое. Он шагал энергичным упругим шагом, как видно, очень довольный, что ему удалось погубить фрау Брандт, и с нетерпением поглядывая через плечо. Наконец он увидел то, чего ждал. Стражники вели фрау Брандт, закованную в кандалы. За ней бежала толпа зевак, которые оскорбляли ее и кричали: «Богохульница! Еретичка!» Некоторые подбегали поближе, чтобы ударить ее, и стража, которая должна была охранять заключенную, делала вид, будто не замечает.

— Прогони их! Скорей прогони! — закричали мы Сатане, позабыв в эту минуту, что любое его вмешательство меняет судьбу людей. Он чуточку дунул, и все они вдруг зашатались, зашптыкались, размахивая руками и словно хватаясь за воздух. А потом побежали в разные стороны, крича от ужасной боли. Дунув, Сатана сокрушил каждому из них по ребру. Мы спросили его, не переменял ли он тем линию их жизни.

— Конечно. Одни из них проживут теперь больше, другие меньше. Некоторые выгадают от перемены, но большинство прогадает.

Мы не решились спросить, не ждет ли кого-либо из них судьба Фишера. Лучше было не спрашивать. Ни я, ни Сепии не сомневались, что Сатана хочет помочь нам, но нас все сильнее стали смущать его приговоры. До того мы хотели просить его познакомиться с нашей линией жизни и посмотреть, нельзя ли ее улучшить. Теперь мы отказались от этой мысли совсем и решили не говорить с ним на подобные темы.

День или два в деревне только и было толков, что об аресте фрау Брандт и о таинственной каре, постигшей ее мучителей. Зал суда ломился от публики. Исход дела был предрешен, потому что фрау Брандт повторила на суде все свои богохульные речи и отказалась взять их назад. Когда ей стали грозить смертной казнью, она сказала, что охотно умрет и предпочитает иметь дело с настоящими дьяволами в аду, чем с их жалкими подражателями в нашей деревне. Ее обвинили в том, что она сокрушила ребра своим преследователям при помощи чар, и спросили, откуда знакома она с колдовством. Она отвечала с презрением:

— Неужели вы думаете, святоши, что были бы живы, если бы я обладала хоть какой-нибудь колдовской силой? Я убила бы вас на месте. Выносите свой приговор и оставьте меня в покое. Вы мне отвратительны.

Суд вынес обвинительный приговор. Фрау Брандт отлучили от церкви, лишили блаженства и обрекли на адские муки. Потом на нее надели балахон из грубой холстины, передали светским властям, и под мерный звон колокола повели на рыночную площадь. Мы видели, как ее приковали к столбу, и как первый, неколеблемый ветром сизый дымок поднялся над ее головой. Гневное выражение на ее лице сменилось ласковым и умиротворенным, она оглядела собравшуюся толпу и негромко сказала:

— Когда-то давно-давно мы с вами были невинными крошками и играли все вместе. Во имя этих светлых воспоминаний я прощаю вас.

Мы ушли с площади, чтобы не видеть, как сожгут фрау Брандт, но слышали ее крики, хоть и заткнули уши. Но вот крики стихли, — значит, она в раю, пусть отлученная. Мы были рады, что она умерла, и не жалели, что были причиной этого.

Прошло несколько дней, и Сатана появился снова. Мы всегда ждали его с нетерпением, с ним жизнь была веселее. Он подошел к нам в лесу, на месте нашей первой встречи. Жадные до

развлечений, как все мальчишки, мы попросили его что-нибудь нам показать.

— Что ж! — сказал он. — Я покажу вам историю людского рода — то, что вы называете ростом цивилизации. Хотите?

Мы ответили, что хотим.

Мгновенным движением мысли он превратил окружающий лес в Эдем. Авель приносил жертву у алтаря. Появился Каин с дубиной в руках [9]. Он прошел совсем рядом, но, как видно, нас не заметил и непременно наступил бы мне на ногу, если бы я ее вовремя не отдернул. Он стал что-то говорить брату на непонятном нам языке. Тон его становился все более дерзким и угрожающим. Зная, что сейчас будет, мы отвернулись, но услышали тяжкий удар, потом стоны и крики. Наступило молчание. Когда мы снова взглянули в ту сторону, умирающий Авель лежал в луже крови, а Каин стоял над ним, мстительный и нераскаянный.

Видение исчезло, и длинной чередой потянулись неведомые нам войны, убийства и казни. Затем наступил потоп. Ковчег носился по бурным волнам. На горизонте, сквозь дождь и туман виднелись высокие горы. Сатана сказал:

— Цивилизация началась с неудачи. Сейчас будет новый зачин.

Сцена переменялась. Мы увидели Ноя, упившегося вином. Потом Сатана показал нам Содом и Гоморру. Историю с Лотом он назвал «попыткой отыскать во всем свете хотя бы двух или трех приличных людей». Потом мы увидели Лота и его дочерей в пещере.

Дальше последовали войны древних иудеев. Они убивали побежденных и истребляли их скот. В живых оставляли только молодых девушек, которые становились военной добычей.

Мы увидели, как Иаиль проскользнула в шатер и вбила колышек прямо в висок спящему гостю [10]. Это было совсем рядом; кровь, брызнувшая из раны, потекла красной струйкой у наших ног, и мы могли бы, если бы захотели, коснуться ее пальцем.

Перед нами прошли войны египтян, греков и римлян, вся земля залита кровью. Римляне коварно обошли карфагенян; мы увидели ужасающее избиение этих отважных людей [11]. Цезарь вторгся в Британию. «Варвары, жившие там, не причинили ему никакого вреда, но он хотел захватить их землю и цивилизовать их вдов и сирот», — пояснил Сатана.

Появилось христианство. Действие перенеслось в Европу. Мы увидели, как на протяжении столетий христианство и цивилизация шла нога в ногу, «оставляя на своем пути голод, опустошение, смерть и прочие атрибуты прогресса», как сказал Сатана.

Войны, войны и снова войны, по всей Европе и во всем мире. По словам Сатаны, эти войны велись во имя династических интересов, иногда же — чтобы подавить народ, который был слабее других. «Ни разу, — добавил он, — завоеватель не начал войну с благородной целью. Таких войн в истории человечества не встречается».

— Ну вот, — заключил Сатана, — мы с вами обозрели прогресс человеческого рода — до наших дней. Кто скажет, что он недостойн всяческого удивления? Сейчас мы заглянем в будущее.

Он показал нам сражения, в которых применялись еще более грозные орудия войны и которые были еще ужаснее по числу погубленных жизней.

— Вы можете убедиться, — сказал он, — что человеческий род не отстает в развитии. Каин

прикончил брата дубиной. Древние иудеи убивали мечами и дротиками. Греки и римляне ввели латы, создали воинский строй и полководческое искусство. Христиане изобрели порох и огнестрельное оружие. Через два-три столетия они неизмеримо усовершенствуют свои орудия убийства, и весь мир должен будет признать, что без христианской цивилизации война осталась бы детской игрой.

Тут Сатана залился бесчувственным смехом и принялся издеваться над человеческим родом, хоть и отлично знал, как задевают нас эти слова. Никто, кроме ангела, так не поступит. Страдания для ангелов ничто, они о них только слыхали.

И я и Сеппи не раз уже пробовали с осторожностью, в деликатной форме объяснить Сатане, насколько неправилен его взгляд на человечество. Он обычно отмалчивался, и мы считали его молчание согласием. Так что эта речь Сатаны была для нас сильным ударом. Наши уговоры, видимо, не произвели на него сколько-нибудь заметного впечатления. Мы были разочарованы и огорчены, подобно миссионерам, проповеди которых остались втуне. Впрочем, мы не обнаруживали перед ним своих чувств, понимая, что момент для этого неподходящий.

Сатана продолжал смеяться своим бесчувственным смехом, пока не устал. Потом он сказал:

— Разве это не крупный успех? За последние пять или шесть тысяч лет родились, расцвели и получили признание не менее, чем пять или шесть цивилизаций. Они отцвели, сошли со сцены, исчезли, но ни одна так и не сумела найти достойный своего величия, простой и толковый способ убивать человека. Кто посмеет обвинить их, что они мало старались? Убийство было любимейшим делом людей с самой их колыбели, но я полагаю, одна лишь христианская цивилизация добилась сколько-нибудь стоящих результатов. Пройдет два-три столетия, и никто уже не сможет оспорить, что христиане — убийцы самой высшей квалификации, и тогда все язычники пойдут на поклон к христианам, — пойдут не за верой, конечно, а за оружием. Турок и китаец купят у них оружие, чтобы было чем убивать миссионеров и новообращенных христиан.

Тут Сатана снова открыл свой театр, и перед нами прошли народы множества стран, гигантская процессия, растянувшаяся на два или три столетия истории, бесчисленные толпы людей, сцепившихся в яростной схватке, тонущих в океанах крови, задыхающихся в черной мгле, которую озаряли лишь сверкающие знамена и багровые вспышки орудийного огня. Гром пушек и предсмертные вопли сраженных бойцов не затихали ни на минуту.

— К чему все это? — спросил Сатана со зловещим хохотом. — Решительно ни к чему. Каждый раз человечество возвращается к той же исходной точке. Уже целый миллион лет вы уныло размножаетесь и столь же уныло истребляете один другого. К чему? Ни один мудрец не ответит на мой вопрос. Кто извлекает для себя пользу из всего этого? Только лишь горстка знати и ничтожных самозванных монархов, которые пренебрегают вами и сочтут себя оскверненными, если вы прикоснетесь к ним, и захлопнут дверь у вас перед носом, если вы постучитесь к ним. На них вы трудитесь, как рабы, за них вы сражаетесь и умираете (и гордитесь этим к тому же вместо того, чтобы почитать себя опозоренными). Само наличие этих людей — удар по вашему достоинству, хотя вы и страшитесь это признать. Они не более чем попрошайки, которых вы из милости кормите, но эти попрошайки взирают на вас, как филантропы на жалких нищих. Такой филантроп обращается с вами, как господин со своим рабом, и слышит в ответ речь раба, обращенную к господину. Вы не устаете кланяться им, хотя в глубине души — если у вас еще сохранилась душа — презираете себя за это. Первый человек был уже лицемером и трусом и передал свое лицемерие и трусость потомству. Вот дрожжи, на которых поднялась ваша цивилизация. Так выпьем же, чтобы она процветала и впрямь! Выпьем, чтобы она не угасла. Выпьем, чтобы...

вернуться

9

Сатана показывает мальчикам ряд легенд из Библии, начиная с убийства Авеля Каином. Они наблюдают опустошивший землю всемирный потоп, от которого спасся в ковчеге только набожный Ной, ставший родоначальником нового поколения людей. Далее упоминаются следующие эпизоды из Библии: позорное опьянение старого Ноя; гибель погрязших в пороке городов (Содом и Гоморра), от которого спасен был праведник Лот с семьей; прелюбодеяние пьяного Лота со своими дочерьми.

вернуться

10

Речь идет об описанном в Библии убийство ханаанского военачальника Сисары, потерпевшего поражение в войне с иудеями.

вернуться

11

После третьей Пунической войны (149–146 годы до н. э.) Рим жестоко расправился с ослабевшим Карфагеном.

Тут он заметил, как глубоко мы обижены, на полуслове оборвал свою речь, перестал так жестоко смеяться и, сразу переменившись, сказал:

— Нет, давайте выпьем за здоровье друг друга и забудем про цивилизацию. Вино, которое пролилось нам в бокалы, — земное вино, я предназначил его для того, прежнего тоста. А сейчас бросьте эти бокалы. Новый тост мы отметим вином, которого свет не видывал.

Мы повиновались и протянули к нему руки. Новое вино было разлито в кубки необычайной красоты и изящества, которые были сделаны из какого-то неведомого нам материала. Кубки эти менялись у нас на глазах так, что казались живыми. Они сверкали, искрились, переливались всеми цветами радуги, ни на минуту не застывали в неподвижности. Разноцветные волны сшибались в них, идя одна на другую, и разлетались брызгами разных оттенков. Больше всего они походили на опалы в морском прибое, пронизывающие своим огнем набегающий вал. Вино было вне каких-либо доступных для нас сравнений. Выпив его, мы ощутили странное околдовывающее чувство, словно вкусили с ним райский восторг. Глаза у Сеппи наполнились слезами, и он вымолвил благоговейно:

— Когда-нибудь и мы будем там, и тогда...

Мы оба украдкой глянули на Сатану. Должно быть, Сеппи ожидал, что он скажет: «Да, придет такой час, и вы тоже там будете», — но Сатана словно о чем-то задумался и не сказал ничего. Я внутренне содрогнулся, я знал, что Сатана слышал слова Сеппи, — ничто сказанное или хотя бы помысленное не проходило мимо него. Бедный Сеппи смешался и не закончил начатой фразы. Кубки взлетели вверх, устремились в небо, словно три лучистых сияния, и враз пропали. Почему они не остались у нас в руках? Это было дурным предзнаменованием и

навевало грустные мысли. Увижу ли я снова свой кубок? Увидит ли Сеппи свой?

ГЛАВА IX

Власть Сатаны над временем и пространством поражала нас. Они для него попросту не существовали. Он называл их человеческим изобретением, говорил, что люди их выдумали. Мы не раз отпраплялись с ним в самые отдаленные уголки земного шара и проводили там недели и даже месяцы, но, возвратившись домой, замечали, что прошла всего ничтожная доля секунды. Это легко было установить по часам.

Комиссия по охоте за ведьмами, не решаясь поднять дело против астролога или же Маргет, посылала на костер одних только бедняков, и жители нашей деревни роптали. Наступил день, когда они потеряли терпение и решили сами поискать ведьм. Их выбор пал на женщину хорошего происхождения, о которой было известно, что она излечивала людей колдовским способом. Ее пациенты, вместо того чтобы глотать слабительное и пускать себе кровь у цирюльника, мылись горячей водой и укрепляли свои силы питательной пищей.

Женщина бежала стремглав по деревенской улице, преследуемая разъяренной толпой. Она пыталась укрыться сперва в одном доме, потом в другом, но хозяева предусмотрительно заперли двери. Ее гоняли по деревне около получаса, мы тоже бежали с толпой, чтобы посмотреть, чем это кончится. Наконец она ослабела и повалилась на землю, ее схватили, подтащили к ближнему дереву, привязали к суку веревку и надели ей петлю на шею. Женщина рыдала и молила пощады у своих мучителей. Ее юная дочь стояла возле нее, заливаясь слезами, но боялась вымолвить даже слово в защиту матери.

Они повесили эту женщину, и я бросил в нее камнем, хотя в глубине души и жалел ее. Все бросали в нее камнями, и каждый следил за соседом. Если бы я не поступил, как другие, кто-нибудь на меня непременно донес бы. Стоявший рядом со мной Сатана громко захохотал.

Все, кто был рядом, обернулись удивленно и негодуя. Неподходящее время он выбрал для смеха. Его вольнодумство, язвительные шутки, неземные мелодии, которым он нас учил, уже вызывали не раз подозрения, и многие были настроены против него, хотя пока что молчали. Ражий детина, деревенский кузнец, сочтя момент подходящим, зычно, чтобы все услышали, спросил:

— Чего ты смеешься? А ну, отвечай! И еще доложи народу, почему ты не бросил в нее камнем?

— А ты уверен, что я не бросил в нее камнем?

— Конечно. Не пробуй вывернуться. Я за тобой следил.

— Я тоже! Я тоже следил, — присоединились два голоса.

— Три свидетеля, — сказал Сатана. — Кузнец Мюллер, ткач Пфейфер и подручный мясника Клейн. Все трое отъявленные лжецы. Может быть, еще есть свидетели?

— Это не важно, есть или нет. И какого ты мнения о нас, тоже не важно. Важно, что три свидетеля налицо. Докажи, что ты бросил в нее камень, или тебе будет плохо.

— Да! Да! — закричала толпа и сгрудилась вокруг спорящих.

— А сначала дай ответ на первый вопрос, — закричал кузнец. Окрыленный поддержкой толпы,

он почувствовал себя молодцом. — Говори, над чем ты смеялся?

Сатана с учтивой улыбкой ответил:

— Мне показалось смешным, что трое трусов бросают камнями в мертвую женщину, когда сами одной ногой уже ступили в могилу.

Суеверная толпа ахнула и подалась назад. Кузнец, пытаясь храбриться, сказал:

— Вздор! Ты не можешь этого знать.

— Я знаю наверняка. Я предсказываю людям судьбу, это мое ремесло. Когда вы трое и кое-кто из других подняли руки, чтобы бросить в женщину камнем, я прочитал вашу судьбу по линиям на ладони. Один умрет ровно через неделю. Другой сегодня к вечеру. А третьему осталось жить всего пять минут — вот вам башенные часы.

Слова Сатаны произвели глубокое впечатление. Все, как, один, подняли побледневшие лица к часам. Мясник и ткач сразу обмякли, словно пораженные тяжким недугом, но кузнец взял себя в руки и сказал угрожающе:

— Сейчас мы проверим одно из твоих трех предсказаний. Если оно окажется ложным, ты не проживешь и минуты, голубчик ты мой. Это я тебе говорю.

Все молчали и следили в торжественной тишине за движением стрелки на башне. Когда на часах прошло четыре с половиной минуты, кузнец вдруг охнул, схватился за сердце и с криком: «Пустите! Дышать нечем!» — стал валиться ничком. Окружающие отступили назад, никто не помог ему, и он рухнул мертвым на землю. Люди уставились на кузнеца, потом на Сатану, потом друг на друга. Губы у них шевелились, но никто не мог промолвить ни слова. Тогда Сатана сказал:

— Три человека уже заявили, что я не бросал в женщину камнем. Может быть, найдутся еще свидетели? Я обожду.

Эти слова вызвали панику. Сатане никто не ответил, но многие в злобе принялись попрекать друг друга.

— Это ты сказал, что он не бросил в женщину камнем!

— Лжешь, я заставлю тебя признать, что ты лжешь, — раздавалось в ответ.

Толпа заревела, началась всеобщая свалка, каждый тузил соседа, а посреди висел труп повешенной ими женщины, равнодушный теперь ко всему на свете. Она покончила с этим миром, ее страдания были уже позади.

Мы с Сатаной пошли прочь. Мне было не по себе, и меня мучила мысль, что хотя он и говорил, будто смеется над ними, но на самом деле смеялся он надо мной.

Снова захохотав, он сказал:

— Ты прав, я смеялся над тобой, Теодор. Из страха, что на тебя донесут, ты бросил в женщину камнем, когда вся душа твоя была против. Но я смеялся над ними тоже.

— Почему?

— Потому что они испытывали то же, что ты.

— Как же так?

— Если хочешь знать, из шестидесяти восьми человек, которые там стояли, шестидесяти двум так же не хотелось бросать в эту женщину камнем, как и тебе.

— Неужели?

— Будь уверен, что это так! Я хорошо изучил людей. Они — овечьей породы. Они всегда готовы уступить меньшинству. Лишь в самых редких, в редчайших случаях большинству удается изъять свою волю. Обычно же большинство приносит в жертву и чувства свои и убеждения, чтобы угодить горлодерам. Иногда горлодеры правы, иногда нет, для толпы это не имеет большого значения, — она подчиняется и в том и в другом случае. Люди — дикие или цивилизованные, все равно — добры по своей натуре и не хотят причинять боль другим, но в присутствии агрессивного и безжалостного меньшинства они не смеют в этом признаться. Призадумайся на минуту. Добрый в душе человек шпионит за другим человеком, таким же, как он, чтобы толкнуть его на поступок, который обоим гадок. Мне достоверно известно, что девяносто девять из каждых ста человек были решительно против убийства ведьм, когда много лет назад кучка святош затеяла это безумие. Я утверждаю, что и сейчас, после того как суеверия вбивались столетиями людям в голову, не более чем один человек из двадцати в них действительно верит. И тем не менее каждый кричит о злокозненных ведьмах и каждый требует, чтобы их убивали. Но однажды поднимется горстка людей, которая сумеет перекричать остальных, может быть, это будет даже один человек, храбрец со здоровой глоткой и твердой решимостью, — и не пройдет недели, как овцы все повернут за ним и вековой охоте на ведьм наступит конец.

Монархии, аристократические правления и религии основывают свою власть на этом коренном недостатке людей. Суть его в том, что человек не верит другим людям, но, трепеща за свое благоденствие и свою жизнь, делает все, чтобы подладиться к ним.

Монархии, аристократические правления и религии будут и впредь процветать, а вы будете под ярмом, оскорбленные и униженные, потому что вы рабы меньшинства и хотите оставаться рабами. Не было и не будет такой страны, где большинство было бы действительно предано монарху, вельможе или священнику!

Меня возмутило, что Сатана сравнивает человеческий род с овцами, и я прямо сказал об этом.

— И тем не менее это так, ягненок мой, — возразил Сатана. — Погляди, как людей заставляют идти на войну, и ты убедишься, что они истинные бараны.

— Но почему же?

— Еще не было случая, чтобы тот, кто начинает войну, действовал справедливо и честно. Вот я гляжу на миллион лет вперед и вижу только пять или шесть исключений из этого правила. Обычно же дело происходит вот так.

Горстка крикунов хочет войны. Церковь для видимости пока еще возражает, воровато оглядываясь по сторонам. Народ, неповоротливая, туго думающая громадина, протрет заспанные глаза и спросит недоуменно: «К чему мне эта война?» — а потом скажет, от души негодуя: «Не нужно этой несправедливой и бесчестной войны». Горстка крикунов удвоит свои усилия. Несколько приличных людей станут с трибуны и с печатных страниц приводить доводы против войны. Сначала их будут слушать, им будут рукоплескать. Но это продлится недолго.

Противники перекричат их, они потеряют свою популярность, ряды их приверженцев поредеют. Затем мы увидим прелюбопытное зрелище: ораторы под градом камней сбегают с трибуны, озверелые орды людей (которые втайне по-прежнему против войны, но уже никому не посмеют в этом признаться) удушают свободу слова. И вот вся страна вместе с церковью издает боевой клич, кричит что есть духу до хрипоты и линчует честных людей, поднимающих голос протеста. Вот уже стихли и их голоса. Теперь государственные мужи измышляют фальшивые доводы и возлагают ответственность на страну, на которую сами напали. И каждый, ликуя в душе, что ему дают снова шанс почувствовать себя порядочным человеком, прилежно твердит эти доводы и спешит заткнуть уши, услышав хоть единое слово критики. Мало-помалу он сумеет увериться, что его страна ведет справедливый и честный бой, и, надув таким образом самого же себя, вознесет благодарственную молитву всевышнему и обретет наконец душевный покой.

ГЛАВА X

Дни шли за днями. Сатана не являлся. Без него жизнь текла уныло. Астролог, вернувшийся недавно из своего путешествия на Луну, разгуливал по деревне, пренебрегая общественным мнением. Время от времени какой-нибудь ненавистник волшбы, надежно укрывшись, запускал в него камнем. Маргет переживала благодатную перемену под влиянием двух обстоятельств. Во-первых, Сатана, который был к ней вполне равнодушен, после двух-трех визитов перестал бывать у них в доме. Это задело ее гордость, и она решила забыть его. Во-вторых, после того как Урсула сообщила ей несколько раз, что Вильгельм Мейдлинг стал вести беспутную жизнь, Маргет поняла, что повинна в этом сама, что он ревнует ее к Сатане, и почувствовала раскаяние. То и другое пошло Маргет на пользу: интерес ее к Сатане ослабел, а интерес к Вильгельму Мейдлингу столь же неуклонно усиливался. Если бы Вильгельму удалось взять себя в руки и добиться вновь уважения в нашей деревне, это привело бы к решительному перелому в его отношениях с Маргет.

Вскоре такой случай представился. Маргет послала за Мейдлингом и просила его принять на себя защиту ее дяди в предстоящем судебном процессе. Вильгельм был чрезвычайно горд полученным поручением, бросил пить и усердно принялся готовить защиту. По правде говоря, усердие заменяло ему уверенность, потому что шансов на выигрыш дела почти не было. Вильгельм часто вызывал меня и Сеппи к себе в контору и тщательно обсуждал с нами наше свидетельство, стараясь разыскать в груди словесной мякины полновесные зерна истины.

Ах, куда же пропал Сатана? Я не переставал думать о нем ни на минуту. Он нашел бы способ, как выиграть дело. Раз он предсказал, что дело будет выиграно, значит, ему известно и как это сделать. Но дни шли за днями, а Сатаны не было. Я, конечно, не сомневался, что дело будет в конце концов выиграно и что отец Питер счастливо проживет остаток своей жизни. Раз Сатана обещал, это исполнится. Но на душе у меня было бы много спокойнее, если бы он явился и точно сказал, что всем нам нужно делать. Если отцу Питеру действительно суждена счастливая жизнь, то ждать было больше нельзя. Со всех сторон говорили, что тюрьма и позор совсем извели старика, и если это продолжится, он быстро умрет с горя.

Наконец настал день суда. Народ стекался со всех сторон. К нам съехались люди из отдаленных мест, чтобы послушать, как будут судить отца Питера. В зале собрались все, кроме него. Он был слишком слаб, чтобы присутствовать на суде. Маргет пришла, она была молодцом и старалась поддерживать в себе надежду и бодрость. Деньги тоже присутствовали. Они лежали высыпанные из мешка на столе, и те, кому разрешалось по должности, глазели на них и любовно перебирали монеты руками.

На свидетельской скамье появился астролог. Для этого случая он надел свою мантию и лучшую шляпу.

Вопрос. Вы утверждаете, что деньги ваши?

Ответ. Да.

Вопрос. Как они вам достались?

Ответ. Я нашел кошелек с деньгами на дороге, возвращаясь из путешествия.

Вопрос. Когда это было?

Ответ. Два с лишним года тому назад.

Вопрос. Как вы поступили с находкой?

Ответ. Я взял деньги с собой и спрятал их в тайнике, в обсерватории, рассчитывая, что в дальнейшем найдется владелец.

Вопрос. Что вы сделали, чтобы отыскать владельца?

Ответ. В продолжении нескольких месяцев я производил розыски, но без успеха.

Вопрос. Что вы тогда предприняли?

Ответ. Я решил, что дальше искать бесполезно, и думал пожертвовать эти деньги на новый приют для подкидышей при здешнем женском монастыре. Я вынул кошелек из тайника и начал считать деньги, чтобы проверить, в целости ли они. В эту минуту...

Вопрос. Почему вы запнулись? Дальше.

Ответ. Мне тяжело вспоминать об этом. Когда я закончил подсчет и стал укладывать деньги обратно, то заметил, что у меня за плечами стоит отец Питер.

Кто-то в зале пробормотал: «Слушайте, слушайте!» Но в ответ послышалось: «Да это же лгун!»

Вопрос. Вы были встревожены?

Ответ. Нет, в ту минуту не был. Отец Питер и ранее захаживал, чтобы попросить помощи. Он нуждался в то время.

Маргет вспыхнула, услышав эту бесстыдную ложь, будто ее дядя ходил просить милостыни, да еще у того, кого он не раз обличал в шарлатанстве. Она хотела что-то сказать, но сдержалась вовремя и промолчала.

Вопрос. Что было дальше?

Ответ. Поразмыслив, я все же раздумал отдавать эти деньги на приют для подкидышей и решил, что буду искать владельца еще в течение года. Узнав о находке отца Питера, я за него порадовался, и только. Не возникло у меня никаких подозрений и через два-три дня, когда мои деньги исчезли. Но потом обнаружили три весьма подозрительных совпадения, связавших мою пропажу с находкой отца Питера.

Вопрос. Какие же совпадения?

Ответ. Отец Питер нашел свои деньги на тропинке, я — на дороге. Отец Питер нашел золотые дукаты. Я — тоже. Отец Питер нашел тысячу сто семь дукатов, в точности ту же сумму и я.

На этом астролог закончил свои показания. Было видно, что они произвели на судей сильное действие.

Задав несколько вопросов астрологу, Вильгельм Мейдлинг вызвал меня и Сеппи и попросил рассказать суду, как было дело. Публика в зале стала посмеиваться, и мы оробели. Нам и без того было не по себе — мы-то видели, что Вильгельм чувствует себя неуверенно. Он старался как мог, бедняга, но обстоятельства складывались против него. Даже при самом добром желании публика в зале суда никак не могла стать на его сторону.

Допустим, рассказ астролога, учитывая его всем известную лживость, не вселил в судей и публику полной веры, но ведь и рассказ отца Питера тоже мог показаться чистой водой! Мы совсем приуныли. Когда же защитник астролога заявил, что не станет нас вовсе допрашивать, что наши показания и так непрочны и было бы невеликодушным предъявлять к ним излишние требования, все в зале заулыбалось, и нам с Сеппи стало окончательно не по себе. После этого заявления он выступил с краткой язвительной речью, высмеял наш рассказ, назвал его детской выдумкой, нелепой и вздорной с первого и до последнего слова, и под конец так рассмешил публику, что все хохотали до колик. Бедная Маргет не в силах была больше храбриться и залилась слезами. Мне было жаль ее от души.

Но вот я поднял голову и почувствовал, как в меня вливается бодрость. Рядом с Вильгельмом стоял Сатана! Контраст был разительный. Вильгельм — с понуренной головой, в отчаянии. Сатана — уверенный, полный энергии. Мы с Сеппи воспрянули духом. Сейчас он выступит с речью и убедит суд и публику, что черное — это белое, а белое — черное, — словом, сделает, что пожелает. Мы обернулись в зал поглядеть, какое он произвел на всех впечатление, ведь Сатана был очень красив, красив ослепительно. Но никто, казалось, его не заметил. Мы поняли, что он явился невидимым.

Защитник астролога как раз кончал свою речь. Когда он произнес последнюю фразу, Сатана стал воплощаться в Вильгельма. Он растворился в нем и исчез. Вильгельма трудно было узнать — в его глазах засветилась неукротимая энергия Сатаны.

Защитник закончил речь на патетической ноте. Торжественно указывая на деньги, он заявил:

— Страсть к золоту лежит в основе всякого зла. Вот оно перед нами, древнейшее из соблазнительей. Оно блещет позорным румянцем, хвалится новой победой — бесчестием священнослужителя и двух его юных сообщников. Если бы деньги имели дар речи, то, наверно, сказали бы нам, что из всех одержанных ими побед еще не было ни одной, столь прискорбной и ужасающей для человечества.

Он сел на место. Вильгельм поднялся и спросил:

— Из показаний истца я заключаю, что он нашел деньги два с лишним года тому назад. Правильно ли я понял ваши слова, сударь? Если нет, поправьте меня.

Астролог сказал, что его слова поняты правильно.

— Деньги оставались во владении истца вплоть до указанного им дня, то есть до последнего дня истекшего года. Если я неправильно понял, сударь, поправьте меня.

Астролог кивком подтвердил слова Мейдлинга. Тогда Вильгельм повернулся к председателю суда и спросил:

— Если я представлю суду доказательства, что лежащие здесь деньги не те, о которых сообщил истец, — согласится ли суд, что истец не имеет на них никакого права?

— Разумеется. Но вы нарушаете нормальный ход разбирательства. Если вы располагали свидетельством подобного рода, вы обязаны были известить своевременно суд, в установленном законном порядке вызвать свидетеля и...

Председатель суда прервал свою речь и стал совещаться с другими судьями. Защитник астролога, живо вскочив с места, заявил протест против вызова новых свидетелей, когда слушание дела уже подходит к концу. Судьи признали его протест обоснованным и вынесли соответствующее решение.

— Я не прошу о вызове новых свидетелей, — возразил Вильгельм. — Мой свидетель уже принимал участие в судебном следствии. Я имею в виду золотые монеты.

— Золотые монеты? Какое свидетельство могут дать золотые монеты?

— Они могут сказать, что они вовсе не те монеты, которые находились во владении астролога, они могут сказать, что в декабре прошлого года они еще не появились на свет. Не забудьте, что на них обозначен год выпуска.

Более верное доказательство трудно было придумать. Публика заволновалась. Судья и защитник астролога брали монеты одну за другой и потом опускали на место с криками изумления. Все восхваляли Вильгельма за то, что ему пришла в голову такая блестящая мысль. Наконец судья призвал всех к порядку и объявил:

— Все монеты, за вычетом четырех, отчеканены в этом году. Суд выражает сочувствие обвиняемому. Суд глубоко сожалеет, что обвиняемый, будучи совершенно невинным, в силу несчастного стечения обстоятельств был заключен в темницу, опозорен и предан суду.

Таким образом выяснилось, что деньги все же имеют дар речи, хотя защитник астролога и выразил в этом сомнение. Суд удалился, и почти все, кто был в зале суда, направились к Маргет, чтобы поздравить ее и крепко пожать ей руку, а затем и к Вильгельму, чтобы пожать ему тоже руку и выразить восхищение его достойной удивления находчивостью. Сатана в это время уже выступил из Вильгельма и стоял теперь рядом с ним, с интересом поглядывая на происходящее. Люди шли сквозь него то туда, то сюда, не чувствуя, что он здесь. Вильгельм не мог объяснить, почему он заявил о монетах только в самом конце. По его словам, эта мысль пришла ему в голову вдруг, по наитию, а высказал он ее не колеблясь, так как был почему-то уверен, что это именно так. Это было сказано честно, иного и нельзя было ждать от Вильгельма. Другой на его месте заявил бы, конечно, что придумал все это заранее и приберет к концу для эффекта.

Сейчас Вильгельм уже малость поблек, и в глазах у него уже не было блеска, какой им придавало присутствие Сатаны.

Впрочем, они на минуту зажглись, когда Маргет подошла к нему, расхвалила, осыпала благодарностями, нисколько не думая скрыть, как она гордится его успехом. Астролог удалился, изнемогая от злобы и всех и вся проклиная, а Соломон Айзекс ссыпал деньги в мешок и унес с собой. Никто не собирался больше оспаривать их у отца Питера.

Сатана исчез. Я подумал, что он перенесся в тюрьму, чтобы сообщить о случившемся узнику, и оказался прав. Радостные и счастливые, мы следом за Маргет со всех ног побежали в тюрьму.

Позже выяснилось, что, представ перед несчастным узником, Сатана вскричал:

— Суд окончен! Вот приговор! Тебя заклеили как вора!

От потрясения старик лишился рассудка. Десять минут спустя, когда мы вошли к нему, он важно разгуливал взад и вперед по камере и отдавал приказания тюремщикам и надзирателям, именуя одного камергером, другого князем таким-то, третьего фельдмаршалом, четвертого адмиралом флота и так далее и тому подобное, и ликовал, как дитя. Он вообразил себя императором.

Маргет бросилась к нему на шею и зарыдала. Все мы были потрясены. Отец Питер узнал свою Маргет, но не мог понять, почему она плачет. Он потрепал ее по плечу и сказал:

— Не надо, дорогая. Здесь посторонние люди, и наследнице престола нельзя так себя вести. Скажи, чем ты встревожена, и я сделаю все, что захочешь. Власть моя беспредельна.

Оглянувшись, он увидел старуху Урсалу, утиравшую фартуком слезы, и с удивлением спросил ее:

— Ну, а с вами что приключилось?

Урсала в слезах объяснила, что горюет из-за того, что с хозяином случилось «такое».

Он задумался, потом пробормотал, словно обращаясь к себе:

— Странная особа эта вдовствующая герцогиня. В сущности добрая женщина, но постоянно ноет и даже не может толком сказать, что с ней стряслось, а все потому, что не в курсе событий.

Взгляд его упал на Вильгельма.

— Князь Индийский, — сказал он, — я склонен думать, что вы повинны в слезах наследницы. Я утешу ее, не стану более вас разлучать. Пусть царствует вместе с вами. Свою империю я тоже передаю вам. Ну как, моя дорогая, разумно я поступил? Теперь ты улыбнешься, не так ли?

Он приласкал Маргет, расцеловал ее, а потом, очень довольный собой и нами, решил осчастливить всех разом и стал раздавать царства. Не осталось ни одного, кто не получил бы в дар хоть какое-нибудь княжество. Когда его наконец уговорили покинуть тюрьму, он направился домой, сохраняя величественную осанку. Народ, стоявший на улице, понял, что старика радуют почести, и стал кланяться ему до земли и кричать «ура», а он улыбался, милостиво наклонял голову и время от времени, простирая к ним руки, говорил:

— Благословляю вас, мои подданные.

Ничего более грустного мне не приходилось видеть. А Маргет и Урсала всю дорогу не переставая рыдали.

По пути домой я встретил Сатану и упрекнул его, что он так жестоко меня обманул. Он ничуть не смутился и ответил мне спокойно и просто:

— Ты заблуждаешься. Я тебя не обманывал. Я сказал, что отец Питер будет счастлив до конца

своих дней. Разве я не выполнил обещания? Он воображает себя императором и будет гордиться и наслаждаться этим до самой смерти. Он единственный счастливый по-настоящему человек во всей вашей империи.

— Но какой путь ты избрал для этого, Сатана! Разве нельзя было оставить ему рассудок?

Рассердить Сатану было трудно, но мне это удалось.

— Какой ты болван! — сказал он. — Неужели ты так и не понял, что, только лишившись рассудка, человек может быть счастлив? Пока разум не покинет его, он видит жизнь такой, как она есть, и понимает, насколько она ужасна. Только сумасшедшие счастливы, да и то не все. Счастлив тот, кто вообразит себя королем или богом, остальные несчастны по-прежнему, все равно как если бы они оставались в здравом уме. Впрочем, ни об одном из вас нельзя твердо сказать, что он в здравом уме, и я пользуюсь этим выражением условно. Я отобрал у этого человека ту мишуру, которую вы зовете рассудком, я заменил дрянную жестянку разума беспримесным серебром безумия, а ты меня попрекаешь! Я сказал, что сделаю его счастливым до конца его дней, и я выполнил свое обещание. Я обеспечил ему счастье единственно верным путем, доступным для человека, а ты недоволен!

Он разочарованно вздохнул и сказал:

— Вижу, что угодить человеческому роду нелегкое дело.

Вот так всегда с Сатаной! Он считал, что единственное одолжение, которое можно оказать человеку, это либо убить его, либо свести с ума. Я извинился, как мог, но остался тогда при своем мнении. Я считал, что он слабо разбирается в наших делах.

Сатана не раз говорил мне, что жизнь человечества — постоянный, непрерывный самообман. От колыбели и вплоть до могилы люди внушают себе фальшивые представления, принимают их за действительность и строят из них иллюзорный мир. Из дюжины добродетелей, которыми люди чванятся, хорошо, если они владеют одной; медь стараются выдать за золото. Как-то раз, когда разговор шел на эту тему, он заговорил о юморе. Тут я решил, что не уступлю ему, и сказал, что люди, конечно, сильны чувством юмора.

— Узнаю все ту же повадку, — сказал он. — Претендуете на то, чего нет, и норовите выдать унцию медных опилок за тонну золотого песка. Какой-то ублюбочный юмор у вас, конечно, имеется. Комическая сторона низкопробного и тривиального большинству из вас доступна, не спорю. Я имею в виду тысячу грубых несоответствий, абсурдных, гротескных, из тех, что рождают животный смех. Но по тупости вы не можете распознать комической стороны тысяч и тысяч смешнейших вещей на свете. Наступит ли день, когда род человеческий поймет наконец, насколько они смешны, захохочет над ними и разрушит их смехом? Ибо при всей своей нищете люди владеют одним бесспорно могучим оружием. Это — смех. Сила, доводы, деньги, упорство, мольбы — все это может оказаться бесполезным в борьбе с управляющей вами гигантской ложью. На протяжении столетий вам, быть может, удастся чуть-чуть расшатать, чуть-чуть ослабить ее. Но подорвать ее до самых корней, разнести ее в прах вы сможете только при помощи смеха. Перед смехом ничто не устоит. Вы постоянно стремитесь бороться то тем, то другим оружием. Так почему же вам всем не прибегнуть к этому? Зачем вы даете ему ржаветь? Способны ли вы применить это оружие по-настоящему — не порознь, поодиночке, а сразу, все вместе? Нет, у вас не хватит на это ни отваги, ни здравого смысла.

Как-то странствуя с Сатаной, мы забрели в маленький городок в Индии и остановились

посмотреть на фокусника-факира, дававшего представление перед толпой индусов. Он показывал чудеса, но я знал, что Сатане ничего не стоит затмить его. Я попросил Сатану показать свои таланты, он согласился, и в ту же минуту стал индусом в тюрбане и с повязкой на бедрах. С обычной своей предусмотрительностью он внушил мне на время знание индийского языка.

Фокусник достал откуда-то семечко, посадил его в цветочный горшок и прикрыл тряпицей. Прошла минута, и тряпица стала вздymаться. Через десять минут она поднялась на фут. Фокусник сбросил тряпицу — под ней было деревцо с листьями и со зрелыми ягодами. Мы отведали ягод, они были хороши. Но Сатана сказал:

— К чему ты прикрываешь семечко тряпкой? Разве нельзя вырастить дерево на свету?

— Нет, — ответил фокусник, — это невозможно.

— Недалеко же ты ушел в своем мастерстве. Я покажу тебе, как это делается.

Он взял у фокусника плодую косточку и спросил:

— Какое дерево ты хочешь, чтобы я вырастил?

— Из вишневой косточки можно вырастить только вишню.

— Вздор! Это — для начинающих. Хочешь, я выращу из вишневой косточки апельсиновое дерево?

— Попробуй! — сказал фокусник и засмеялся.

— И оно будет родить не только одни апельсины, но и другие фрукты.

— Если будет на то воля богов.

Все засмеялись.

Сатана засыпал косточку горстью земли и приказал ей:

— Расти!

Крошечный стебелек мигом пробился вверх, поднялся выше, еще выше. Он рос так быстро, что через пять минут стал большим деревом, осенившим нас своей кроной. В толпе пронесся ропот восторга. Когда зрители подняли вверх головы, им представилось необычайное, чарующее зрелище. Ветви дерева были усыпаны разноцветными плодами всех видов — апельсинами, виноградом, бананами, персиками, вишнями, абрикосами. Принесли корзины и начали сбор плодов. Люди толпились вокруг Сатаны, целовали ему руки и называли царем всех фокусников. Весть быстро распространилась по городу, сбежался народ, чтобы взглянуть на чудо; многие пришли с корзинами. Дерево не оскудевало. На месте сорванных плодов тут же вырастали другие. Десятки и сотни корзин были уже полны доверху, но плоды все не убывали. Вдруг появился иностранец в белом полотняном костюме и в пробковом шлеме. Он крикнул сердито:

— Убирайтесь прочь отсюда! Собаки! Дерево выросло на моей земле и принадлежит мне.

Индусы поставили корзины на землю и стали почтительно кланяться. Сатана тоже почтительно поклонился, приложив руку ко лбу, как все, и сказал:

— Я очень прошу вас, сударь, позвольте этим людям собирать плоды еще час, только один час. Потом налагайте запрет. Вам останется столько фруктов, что вся страна не сумеет съесть их за целый год.

Эти слова рассердили иностранца, и он закричал:

— Кто ты такой, бродяга, чтобы указывать, что мне делать и чего не делать?

Не ведая, какую судьбу он себе готовит, иностранец ударил Сатану тростью, а потом еще пнул ногой. Фрукты на дереве стали гнить, листья засохли и опали. Иностранец уставился на голые сучья с недовольным видом. Сатана сказал:

— Теперь ухаживайте усердно за этим деревом, ибо его жизнь и ваша связаны воедино. Дерево не будет больше давать плодов, но если вы будете усердно ходить за ним, оно проживет еще долго. Поливайте его каждый час, от заката солнца и до рассвета. Делайте это собственными руками. Нанимать кого-нибудь для этой цели нельзя. Поливать в дневное время тоже нельзя. Если вы не польете его хоть раз, оно засохнет и вы умрете с ним вместе. Не пытайтесь скрыться на родину — вы не доберетесь туда живым. Не отлучайтесь из дому в поздний час ни в гости, ни по делам. Помните, что ваша жизнь под угрозой. Не сдавайте внаймы эту землю и не продавайте ее — опасность слишком близка.

Иностранец был самолюбив и не стал молить о пощаде, но по его глазам я понял, насколько он близок к этому. Он стоял, вперив в Сатану недвижный взгляд, но тут мы оба исчезли и перенеслись на Цейлон.

Мне стало жаль этого человека. Почему Сатана не поступил как обычно: не убил его, не лишил разума? Это было бы милосерднее.

Сатана прочел мою мысль и сказал:

— Я не сделал этого потому, что жалею его жену, которая ничем передо мной не виновата. Она должна скоро приехать к нему с их родины, из Португалии. Сейчас она здорова, но скоро должна умереть. Она стосковалась по мужу и едет сюда, чтобы уговорить его вернуться на родину. Она умрет здесь и не узнает, что он не может покинуть эти места.

— Он не расскажет ей?

— Нет. Он не доверит никому своей тайны, побоится, что тот, кто узнает ее, проболтается, и тайна станет известной туземным слугам кого-нибудь из других португальцев.

— А индусы, они поняли, что ты ему сказал?

— Нет, но он будет бояться, что кто-нибудь понял. Страх этот будет терзать его. Он всегда поступал с ними жестоко, и теперь ему будут сниться страшные сны, будто они подрубают его дерево. Это отравит ему дневные часы. О его ночных часах я уже позаботился.

Я был несколько огорчен, что Сатана почерпает столь злобное удовольствие в своей мести этому иностранцу.

— А он поверил тому, что ты ему сказал, Сатана?

— Ему хотелось бы усомниться, но наше исчезновение заставит его поверить. Дерево, выросшее на пустом месте, — как же тут не поверить? Нелепое, фантастическое разнообразие

плодов, внезапно засохшие листья — все это тоже толкает к вере. Но поверит он или нет, одно несомненно — он будет поливать это дерево. Впрочем, еще не спустится эта ночь, которая перевернет всю его прежнюю жизнь, и он предпримет последнюю попытку спастись, весьма характерную.

— Какую же?

— Он призовет священника, чтобы тот изгнал из дерева нечистого духа. Все вы, люди, изрядные комики, хоть и не видите этого.

— А священника он посвятит в свою тайну?

— Нет. Он скажет, что фокусник из Бомбея вырастил это дерево, а он хочет изгнать из дерева беса, чтобы оно снова цвело и приносило плоды. Молитва священника не поможет, и тогда португалец совсем падет духом и наполнит водой свою лейку.

— Пожалуй, священник сожжет дерево. Он не даст ему больше расти.

— В Европе он так бы и сделал, и сжег бы вдобавок и португальца. Но в Индии живет просвещенный народ, здесь этого не допустят. Португалец прогонит священника и примется поливать свое дерево.

Я задумался, потом сказал:

— Сатана, ты обрек этого человека на тяжкую жизнь.

— Да, праздником ее не назовешь.

Мы перелетали с места на место, путешествуя по всему свету, как нам случалось уже не раз, и Сатана указывал мне на разные происшествия, большей частью свидетельствовавшие о слабостях и о пошлости людского рода. Он поступал так не из каких-либо низких намерений, вовсе нет, просто для развлечения, а попутно он наблюдал. Так развлекается натуралист, разглядывая большой муравейник.

ГЛАВА XI

Сатана посещал нас весь год, но потом стал являться реже и, наконец, на долгое время вовсе исчез. Когда его не было, я испытывал одиночество и мне становилось грустно. Я понимал, что он постепенно утрачивает интерес к нашему крохотному миру и может в любую минуту забыть о нем совершенно. Когда он наконец появился, я был вне себя от радости, но радость была недолгой. Сатана сказал, что пришел проститься со мной, прибыл в последний раз. У него есть дела, которые призывают его в другие концы вселенной, и он пробудет там столько времени, что я не сумею дожидаться его возвращения.

— Значит, ты больше совсем не вернешься?

— Да, — сказал он, — мы с тобой подружались. Я был рад нашей дружбе. Наверно, и ты тоже. Сейчас мы расстанемся навсегда и больше не увидим друг друга.

— Не увидимся в этой жизни, но ведь будет иная жизнь. Разве мы не увидимся в той, иной, жизни?

Спокойно, негромким голосом он дал этот странный ответ:

— Иной жизни не существует.

Легчайшее дуновение его мысли проникло в меня, а с ним вместе неясное и пока еще смутное, но несущее с собой покой и надежду предчувствие, что слова Сатаны — правда, что они не могут не быть правдой.

— Неужели тебе никогда не случалось думать об этом, Теодор?

— Нет. Мне не хватало смелости. Это действительно правда?

— Это правда.

Благодарность стеснила мне грудь, но, прежде чем я успел ее выразить, вновь родилось сомнение:

— Да, но... мы сами видели эту иную жизнь... мы видели ее наяву... значит...

— Это было видение. Не больше.

Я дрожал всем телом, великая надежда охватила меня.

— Видение? Одно лишь видение?

— Сама жизнь — только видение, только сон.

Его слова пронзили меня, словно удар ножа. Боже мой! Тысячу раз эта мысль посещала меня.

— Нет ничего. Все — только сон. Бог, человек, вселенная, солнце, россыпи звезд — все это сон, только сон. Их нет. *Нет ничего, кроме пустоты и тебя.*

— И меня?

— Но ты — это тоже не ты. Нет тела твоего, нет крови твоей, нет костей твоих — есть только *мысль*. И меня тоже нет. Я всего только сон. Я рожден твоей мыслью. Стоит тебе понять это до конца и изгнать меня из твоих видений, и я растворюсь в пустоте, из которой ты вызвал меня... Вот я уже гибну, кончаюсь, я ухожу прочь. Сейчас ты останешься один навсегда в необъятном пространстве и будешь бродить по его бескрайним пустыням без товарища, без друга, потому что ты только мысль, единственная на свете; и никому не дано ни изгнать эту одинокую мысль, ни истребить ее. А я лишь покорный слуга твой, я дал тебе силу познать себя, дал обрести свободу. Пусть тебе снятся теперь иные, лучшие сны.

Странно! Как странно, что ты не понял этого уже давным-давно, сто лет назад, тысячи лет назад, не понимал все время, что существуешь один-единственный в вечности. Как странно, что ты не понял, что ваша вселенная, жизнь вашей вселенной — только сон, видение, выдумка. Странно, ибо вселенная ваша так нелепа и так чудовищна, как может быть нелеп и чудовищен только лишь сон. Бог, который властен творить добрых детей или злых, но творит только злых; бог, который мог бы с легкостью сделать свои творения счастливыми, но предпочитает их делать несчастными; бог, который велит им цепляться за горькую жизнь, но скаречно отмеряет каждый ее миг; бог, который дарит своим ангелам вечное блаженство задаром, но остальных своих чад заставляет мучиться, заставляет добиваться блаженства в тяжелых мучениях; бог, который своих ангелов освободил от страданий, а других своих чад наделил неисцелимым недугом, язвами духа и тела! Бог, проповедующий справедливость, и придумавший адские муки, призывающий любить ближнего, как самого себя, и прощать врагам семижды семь раз, и

придумавший адские муки! Бог, который предписывает нравственную жизнь, но притом сам безнравствен; осуждает преступника, будучи сам преступником; бог, который создал человека, не спросив у него, но взвалил всю ответственность на его хрупкие плечи, вместо того чтобы принять на свои; и в заключение всего с подлинно божественной тупостью заставляет раба своего, замученного и поруганного раба на себя молиться...

Теперь ты видишь, что такое возможно только во сне. Теперь тебе ясно, что это всего лишь нелепость, порождение незрелой и вздорной фантазии, неспособной даже осознать свою вздорность; что это только сон, который тебе приснился, и не может быть ничем иным, кроме сна. Как ты не видел этого раньше?

Все, что я тебе говорю — это правда! Нет бога, нет вселенной, нет жизни, нет человечества, нет рая, нет ада. Все это только сон, замысловатый дурацкий сон. Нет ничего, кроме тебя. А ты только *мысль*, блуждающая мысль, бесцельная мысль, бездомная мысль, потерявшаяся в вечном пространстве.

Он исчез и оставил меня в смятении, потому что я знал, знал наверное: все, что он мне сказал, было правдой.